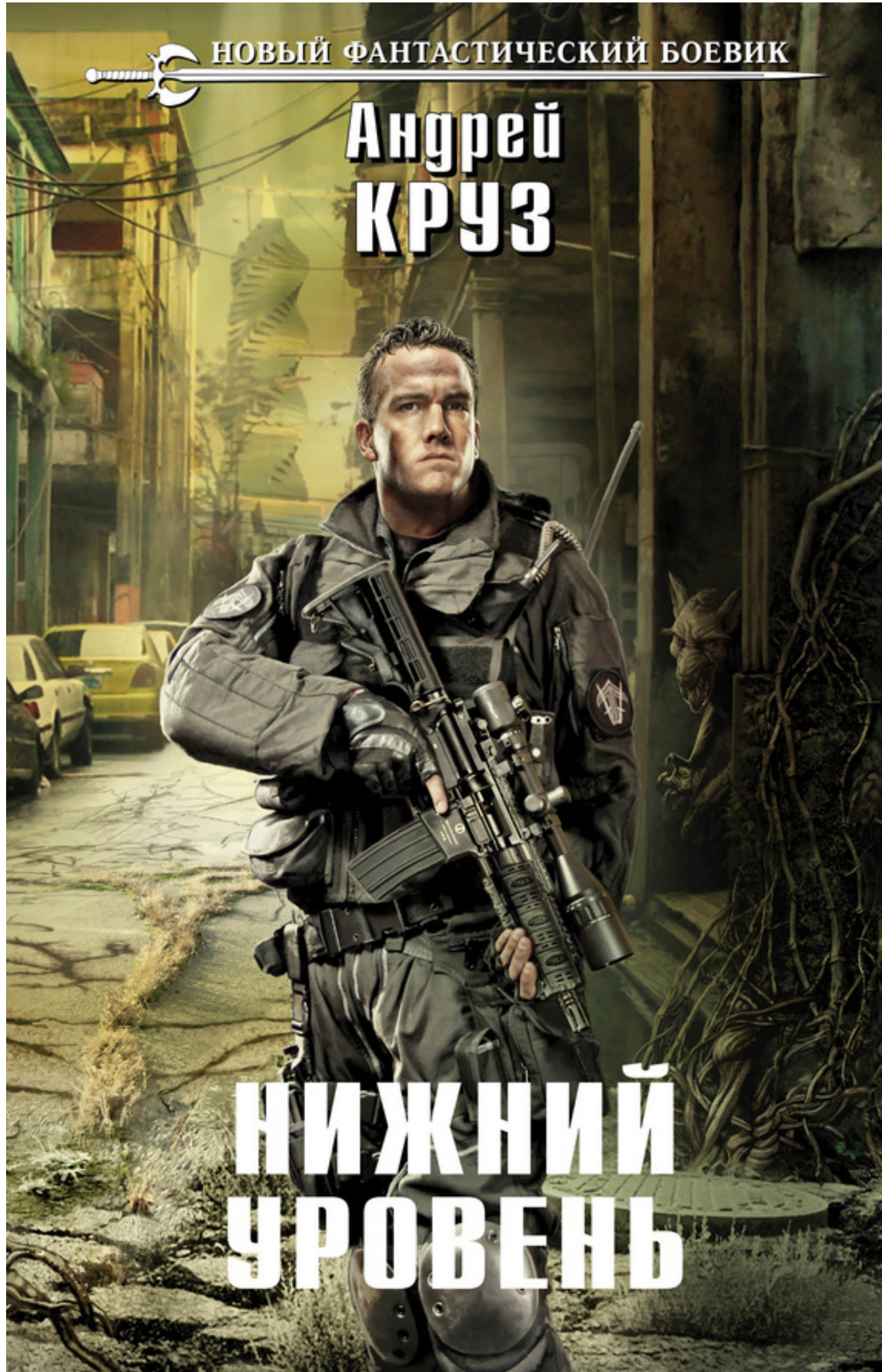

НОВЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Андрей
КРУЗ

НИЖНИЙ
УРОВЕНЬ

Нижний уровень

Андрей Круз

Нижний уровень

«ЭКСМО»

2013

Круз А.

Нижний уровень / А. Круз — «Эксмо», 2013 — (Нижний уровень)

ISBN 978-5-699-65563-2

Панама – не только тропический рай, Панама еще и страна высоких заборов. Ведь многим ее жителям есть что скрывать. А значит, здесь всегда найдется работа для специалистов по безопасности. И чаще всего это бывшие полицейские или военные. Среди них встречаются представители даже такой экзотической для Латинской Америки национальности, как русские. Сергей, или, как его называют местные, Серхио Руднев, предпочитает делать свою работу как можно лучше. Четко очерченный круг обязанностей, ясное представление о том, какие опасности могут угрожать заказчику – и никакой мистики. Другое дело, когда мистика сама вторгается в твою жизнь и единственный темный эпизод из прошлого открывает врата ада. Врата, из которых в тропическую жару вот-вот хлынет потусторонний холод. Что остается Рудневу? Отступить перед силами неведомого зла или вступить с ним в бой, не подозревая, что на этот раз заслоняешь собой весь мир...

ISBN 978-5-699-65563-2

© Круз А., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	24
Глава 6	27
Глава 7	31
Глава 8	36
Глава 9	41
Глава 10	44
Глава 11	49
Глава 12	55
Глава 13	61
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Андрей Круз

Нижний уровень

© Круз А., 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Часть первая

Глава 1

Пассажирский фургон «Ниссан Юрвэн», неуклюжий и некрасивый – одна из самых незаметных машин на улице Сьюдад Панама. Их здесь тысячи, как в Панаме, так равно и в окрестных странах. Примелькавшийся, белый, с наглухо тонированными окнами, но это здесь никого не удивляет – в салоне не так жарко. На крыше багажник. На таких автобусах обычно возят туристов, постояльцев отелей из аэропорта Токумен и обратно до аэропорта и вообще кого угодно. На багажник наваливают, соответственно, багаж, если он никуда больше не влезает. Например, туристов сразу много и багажа при них не меньше. Мы багаж не возим, у нас там солнечная панель, помогающая подзаряжать три дополнительных аккумулятора, упрятанных как раз в багажный отсек. С ними можно позволить себе включить кондиционер, даже не заводя двигатель. Не на полную мощность, разумеется. Это привлекает меньше внимания. Панель с боков не видно, а кто там будет смотреть сверху – нам все равно. На задачу это не влияет.

Сейчас мотор фургона работает, улица шумная, до нас никому дела нет.

Машина стоит у тротуара на Авенида Хосе де ла Круз Эрера, улице в самом центре этого на удивление забитого небоскребами города, стиснутой их стеклянными стенами как горная река скалами. Я сижу на втором ряду сидений, поглядывая на экраны двух лэптопов, размещенных на откинутых столиках и притянутых к ним резинками, чтобы не слетели на ходу. На одном из экранов, разбитом на четыре части, картинки с камер, направленных в разные стороны. На втором по карте «гугля» ползет маленький треугольник, вроде наконечника стрелы, постепенно приближаясь к нам.

– Кике, едут, – сказал я просто для того, чтобы предупредить водителя, следовать за приближающейся машиной мы все равно не собирались.

– Понял, – кивнул он, выпустив в приоткрытое сейчас окно клуб сигаретного дыма.

– ПВП¹ три минуты, – добавил я.

– Понял, – повторил он.

Кике под сорок. Он не панамец, он из Колумбии, хотя в Панаме живет давно. Среднего роста, плотный, сильный, он больше похож на испанца, примесь индейской крови, которая есть там у всех, в нем почти незаметна. Вид у него всегда какой-то сонный и ленивый, хотя это впечатление обманчиво – при необходимости он может быть очень быстрым и очень агрессивным. Ошеломляюще агрессивным. Когда-то он служил в Brigada Anti-Narcoticos – специальном подразделении колумбийской армии, созданном для войны с наркокартелями и базирующемся в основном в бассейне Амазонки. Дослужился он до «сархенто майор», главного сержанта, но во время одного из рейдов был ранен, перенес несколько операций, в ходе которых ему как-то отремонтировали кисть, но продолжать службу он уже не смог, работала рука не так хорошо, как требовалось. Если присмотреться, то можно разглядеть два длинных продольных шрама, уходящих с его левого запястья на предплечье.

Потом он перебрался в Панаму вместе с семьей, как-то устроился, поработал инструктором в Servicio de Protección Institucional – местной жандармерии, но как-то служба не сложилась. Два года назад он начал работать на меня. Водителем, помощником, охранником, в

---

¹ ПВП – предположительное время прибытия.

общем, на все руки от скуки, как и я сам, впрочем. За эти два года ни разу не пожалел, что его нанял. То есть вообще ни разу.

Треугольник на карте еще приблизился к нашей позиции, и я включил еще одну, уже большую и дорогую, видеокамеру, установленную на кронштейне и направленную в заднее стекло.

– ПВП две минуты.

– Понял.

Я обернулся назад, закинув левую руку на спинку сиденья, взялся за ручку камеры, доворачивая на нужный угол и включая запись. Ага, вон он едет, клиент наш. Большой черный «Кадиллак Эскалэйд» показался из-за угла метрах в трехстах, затем встал на светофоре, самым первым перед переходом. Я приблизил изображение: водитель выглядит спокойно, наш клиент тоже не выглядит нервным. Сидит впереди, рядом с водителем, но он всегда так ездит, так что ничего удивительного. Все и должно быть, как обычно, кроме маршрута.

Так, зеленый. Теперь поток тронулся, сразу же растянулся, камеры, и большая, и малые, закрепленные возле окон, фиксировали картинку за окнами фургона. Вот «Эскалэйд» проехал мимо нас, вот машины, идущие за ним. Сейчас сиеста, машин на улице не так уж много, мы специально выбрали такое время, когда все хорошо видно, все просматривается.

Съемка шла еще пять минут, потом я камеру выключил. Достав из кармана на спинке переднего сиденья планшет, я ткнул пальцем в зеленый значок «WhatsApp» и быстро напечатал короткое сообщение: «Приятного аппетита. Меняю позицию. Ждите сигнала, от маршрута не отклоняйтесь». Через минуту пришел очень краткий ответ: «Ок». Не надо голосом, не надо телефонов. Если за человеком все же следят и ездят хвостом, то могут и микрофон в машину поставить. И даже к телефонам подключиться, хоть это и не так просто, как многим кажется, микрофон куда вероятней. Это мы уже потом проверим, сейчас это лишнее.

– Кике, мы здесь закончили, поехали на Авенида Куба, – сказал я, щелчком кнопки отправляя планшет в «сонное» состояние.

– Сами поесть успеем? – спросил он, включая левый поворотник и пропуская поток машин.

– Время есть, можем по пути тамалес купить.

– Отлично.

Кике еще и непривычно немногословный для латиноамериканца. Из-за этого иногда кажется каким-то ненастоящим, потому что так не бывает. Латиноамериканцы говорить любят, делают это всегда, быстро и многословно, как пулеметы. А этот все больше молчит, и постоянно кажется, что он вот-вот заснет.

Фургончик тронулся с места, звонко рыкнув дизелем, легко влился в поток, и мы поехали дальше, отрабатывать выплаченный нам аванс.

Небо понемногу темнело, даже в кондиционированном нутре «Ниссана» ощущалось, как душно за бортом. И дождь уже скоро будет, здесь каждый день дождь. Климат-то экваториальный, до этого самого экватора рукой отсюда подать. Сезонов нет, круглый год одна и та же погода, днем градусов тридцать с небольшим, ночью где-то двадцать пять. Ну и влажность под сто процентов, всегда. Влажность, влажность, влажность...

Вокруг вывески банков, подъезды отелей, отражение неба в поляризованных стеклах, разноцветная толпа на тротуарах – в Панаме кто только не живет: негры, индейцы, потомки испанцев, бесконечные варианты смесей и китайцев до кучи полным-полно, их сюда на строительство Канала завозили оптом, ну а дальше, понятное дело, они еще размножились. Арабов здесь тоже очень много, на удивление. Машины, все больше белые, не так раскаляются, нормальные автобусы и расписные американские школьные, которые здесь работают за маршрутки и называются *Diablos Rojos*, «красные дьяволы», бледно-желтые такси с зелеными коммерческими номерами. Шумно, почти из каждой машины слышна музыка. Что для Латинской

Америки странно – почти нет мотоциклов и мопедов, хотя в других странах их очень много. Разве что развозчики пиццы на них гоняют. Думаю, что из-за погоды – будешь каждый день под дождь попадать.

Хоть центр города сплошь небоскребы и банковский, но видно, что это не мировая столица, а все же Латинская Америка. Пусть и машины здесь дорогие вокруг, и дома такие же, но все равно как-то не так: тут газон вытоптан, и никто его не восстанавливал, тут бы кое-что починить надо, но никто не чинит, всем плевать, и так везде. Третий мир, кто бы что о себе ни думал. И стройки, везде стройки, заборы на каждом шагу. Несмотря на кризис, здесь продолжают строить и строить новые дома.

А еще можно ступить чуть в сторону от светлых улиц и неожиданно оказаться в таких невероятных смердящих трущобах, что непривычный человек и не поверит, что подобное вообще может существовать. Но об этом уже отдельный разговор.

В просвете между стенами в очередной раз показалась башня Эфе Добле – закрученный в спираль на манер детской пирамидки небоскреб, который видно почти отовсюду, главный местный ориентир.

– Ничего не заметил? – спросил я у Кике на всякий случай.

– Нет.

Ну, обычно ничего и не замечаешь. Если за нашим клиентом следят, то следят люди умеющие. Во всяком случае, Джеффри, подкинувший нам эту работу, рассказал, что ворочал этот человек большими миллионами и все больше с целью их отмыть, поэтому и бывшее место жительства покинул, и если кто-то его выследил с некоей недоброй целью, то будет это, скорее всего, не дилетант-одиночка. Джефф же, в прошлом сержант из небезызвестного полка специальной авиадесантной службы в Херефорде, а позднее проработавший с десяток лет телохранителем в разных нехороших местах, с такими вот пугливыми обычно и работает. Как сам выражается – делает security work. Вместе с бывшим полицейским из Ольстера, Стивеном. И мы с Кике тоже делаем security work и сейчас помогаем Джеффу и Стивену за почасовую оплату, вроде как за субподрядчиков, мы выявляем слежку, если она есть.

Вообще здесь, в Панаме, очень много людей, у которых есть повод опасаться за свою безопасность. Они сюда со всего мира съезжаются, покупая пентхаусы на Пунта Пасифика и дома в гольф-клубах. Отсюда, из Панамы, практически никого никуда не выдают, и здесь легко получить местный паспорт, причем для этого совсем не надо быть гражданином, достаточно, например, показать, что ты способен сам себе обеспечить приличный ежемесячный доход. Показал – и живи, пользуясь всеми благами. Но... Иногда этих людей нагоняет прошлое. Иногда они просто опасаются, что оно нагонит. Многих из них природная неугомонность бросает в новые приключения уже здесь, и опять возникают проблемы. В Панаме легко найти проблемы, через эту страну чуть не половина мировой контрабанды кокаина и оружия проходит, так что все сопутствующие удовольствия присутствуют. И тогда они начинают искать защиты и помощи. А у кого ее искать? Иные и в полицию идти боятся, а иные просто не знают, куда и к кому ткнуться – это Латинская Америка, и когда человек с большими деньгами просто так идет в полицию – кто знает, чем это все для него закончится. Поэтому люди с положением, даже местные, всегда предпочитают использовать связи. А приезжие, такие, у кого деньги есть, но связи еще не возникли, идут к таким, как Джефф со Стивеном. Или к таким, как я.

Нет, это вовсе не значит, что мы собираемся заменять собой полицию, отнюдь. Надо быть реалистами и не верить в истории из кино. Но зато мы знаем, к кому из полиции идти стоит, а к кому нет. И можем привести за руку. Мы можем кому-то позвонить и о чем-то договориться. Ну и вот так тоже можем – организовать наблюдение или контрнаблюдение, «прозвонить» нового партнера и узнать, кто он такой и чем может быть полезен или опасен, можем отвадить кого-то слишком назойливого или помочь избежать нежелательных контактов. Можем найти и нанять хороших охранников и даже телохранителей, а таких здесь мало. Очень мало.

Почему? Потому что это Латинская Америка. И если в смелости и решительности здесь людям не откажешь, то не откажешь им еще и в удивительной, безоблачной безалаберности. Они и проспят, и опоздают, и забудут, и перепутают, и вообще... Достаточно вспомнить историю, случившуюся недавно в соседней, в общем-то, Гватемале: Америка выдала им скрывавшегося в Лос-Анджелесе организатора массового убийства, причем просто людей в городском автобусе – местная уличная банда решила продемонстрировать свою решительность и расстреляла первых попавшихся. Американский суд постановил его выдать, и американские федеральные маршалы доставили ублюдка по кличке Глист до гватемальского паспортного контроля и там передали местной иммиграционной службе. А те просто проверили его документы и пропустили. Забыли встретить, не приехали. И даже оповестить паспортный контроль забыли. Ну как все упомнишь, дел-то сколько... И те, на паспортном контроле, просто не знали ничего. Посмотрели на убийцу, пожали плечами – и пропустили. И Глист растворился в толпе, и больше его не видели. Так тут дела и ведут, ага. И те, кто это уже понял, тоже ищут таких, как мы, не местных, но здесь уже освоившихся. Много сербов, например, едут сюда работать телохранителями. Любую службу безопасности возглавляет или экс-САС, или бывший израильский спецназовец. Израильтян, к слову, очень много в Латинской Америке в качестве инструкторов. Ну и для, как мы, многостаночников тоже место остается.

Этому клиенту показалось, что за ним следят. А Джефф сказал, что в этом ничего удивительного он не видит, очень даже могут следить. Причем желающих последить может оказаться много. И сейчас мы с Кике эту слежку выявляем. Точнее, сейчас мы делаем предварительную работу для того, чтобы выявить, а уже заключение сделаем позже, к ночи примерно.

Маленькая синенькая стрелка побежала по спутниковой карте города, то останавливаясь, то поворачивая, стремясь сблизиться с прочерченной красной линией – заранее согласованным маршрутом движения клиента. Новая позиция, в месте, где легко припарковать наш «Юрвэн» и откуда легко наблюдать. Клиент снова проедет мимо. Потом еще раз, в новой точке, еще и еще. А мы будем снимать, снимать и снимать. А потом просмотрим наши записи, и все станет ясно, потому что даже если слежка ведется с нескольких машин, которые меняются, они обязательно не раз попадутся в кадр. А еще в кадр попадутся лица тех людей, что сидят за рулем, а привычки постоянно наклеивать и отклеивать усы или, скажем, ездить в лыжных масках у них обычно не бывает. Если следят – попадутся. Фирма гарантирует.

Глава 2

Сигареты у Кике закончились как раз тогда, когда я отослал клиенту сообщение: «День закончен, желаю удачи». Результаты я сообщу Джеффу, он меня нанял, а не этот самый Джеймс Гонсалес, полуангличанин-полуиспанец, приехавший сюда из Майами. А Джефф скажет ему, если надо.

«Эскалэйд» Гонсалеса скрылся за воротами Коста-дель-Эсте. Коста-дель-Эсте – скопление самых роскошных вилл в городе за высоким забором с хорошей охраной, со своим новым гольф-клубом. Там живут те, кто не хочет далеко отрываться от роскошных набережных, застроенных небоскребами, но предпочитает гулять по своим лужайкам и купаться в собственном бассейне. Цены за этим забором начинаются с двух миллионов, что для нынешнего состояния рынка и для этой страны очень немало, знаете.

Фургон остановился напротив «Сабвея» на Авенида Сентенарио, где Кике сбегал за сигаретами в маленький угловой магазинчик, торговавший журналами, компакт-дисками и какими-то сувенирами, а я начал собирать всю электронику в кофры, попутно копируя все записи с хард-дисков и с карты памяти из большой камеры на флешки. Затем снова открыл «WhatsApp» и натянул уже другому абоненту: «Дома через 30 мин. заberi флешки». дождался появления второй галочки, означающей, что сообщение прочитано, затем телефон присвистнул – пришел ответ: «Ок». Нормально, с этим разобрались.

– Хефе, куда? – спросил вернувшийся Кике, забираясь за руль.

Фургон слегка качнулся, пока он забирался в кабину.

– Домой меня забрось и можешь быть свободен до завтра.

– Сделаем, – кивнул он, снова заводя мотор и отъезжая от тротуара. – А что на завтра?

– Пока не знаю, будь просто готов. – Флешка переключалась в карман, крышка ноутбука закрылась. – Я с утра тебе позвоню.

– Понял.

Фургон развернулся возле похожего на пряник-переросток здания «Банко Хенераль» и покатил в обратном направлении. До моего места жительства отсюда тоже рукой подать, пара поворотов, выезд на Корредор Сур – дорогу, идущую больше по мосту над океаном, чем по земле. Замелькали за окном свечки всех этих жилых небоскребов – Трамп Оушн Клуб, Тауэр-19 – мыс Пунта Пасифика ими забит так плотно, что, кажется, между их стенами ни единого свободного метра пространства не осталось, хоть на самом деле это вовсе не так, просто дома колоссальны по размерам. Потом снова поворот, на главную улицу Сьюдад Панама – Авенида Бальбоа, и вскоре мы подъехали к моему дому – еще одной башне о пятидесяти пяти этажах, называющейся Дестини Тауэр. «Нисан» притормозил у подъезда, и я выскочил в раздвижную дверь, накинув на плечо ремни двух сумок с оборудованием. Кике махнул рукой, прощаясь, и газанул с места, оставив в воздухе облачко дизельного выхлопа.

После кондиционированного нутра микроавтобуса панамская духота навалилась со всех сторон, ощущение такое, что в турецкую баню вступил. Сколько уже здесь живу, но к этому никак привыкнуть не получается. Быстро пересек покрытый плиткой тротуар, двери из толстого, голубовато тонированного стекла бесшумно разъехались передо мной, пропустив в опять прохладный, просторный холл, уставленный широкими диванами и журчащий фонтаном. Знакомый охранник кивнул мне из-за стойки, ну и я в ответ ему тоже. Глянул на часы – есть еще время, можно подняться к себе и сбросить груз.

Возле лифтов поздоровался с пожилой... скорее, даже очень пожилой американской парой – соседями, те дружно блеснули мне навстречу вставными зубами. Здесь много американцев, и большинство из них пенсионеры. В Панаме дешево жить, а качество жизни очень даже на высоте, так что выходят на пенсию и едут сюда. В столице, впрочем, их не так много, а

вот окрестности такого города, как Давид, например, заселены ими чуть менее чем полностью. Лифт открылся с мелодичным звоном, я выудил из кармана карту-ключ, воткнул в приемник на панели – просто так не поедет, тоже мера безопасности. Здесь тихо, но... это для Латинской Америки тихо, здесь другие стандарты «тихости», так что лучше так, запирайте замки за собой.

Сначала зеленоватый пол лифта плавно толкнул в пятки, затем появилось ощущение невесомости на какие-то мгновения – лифт скоростной, меня на мой сорок третий этаж за секунды забросил. Просторный мраморный холл со светлыми стенами, двери под темное дерево. Щелчок замка – и я дома. Не останавливаясь, протащил сумки в кабинет, в который переоборудовал одну из двух спален, свалил возле стола.

– Папи, ты дома?

Голос из спальни, но слышно, как шумит вода. «Папи» – это не «папик», здесь так и ровесников зовут, если ровесники в мужьях или любовниках. И хотя Росита младше меня на двадцать два года, я зову ее «мами», иногда.

– Дома. Ты собираешься?

– Да, скоро выхожу.

Она появилась в дверях, завернутая в белое купальное полотенце, подчеркивающее смуглость кожи.

– Папи, поцелуй. – Она протянула руки для объятий.

Обнял, поцеловал. Губы у нее пухлые и теплые, глаза черные, как волосы, нос короткий и курносый, явно от примеси индейской крови. Голос низкий и хрипловатый. Этим голосом она время от времени говорит, что любит. А я примерно с той же частотой в это не верю. Ей со мной, может, и хорошо, но точно удобно. Росита не местная, она из Колумбии, из Картахены. Росита работает в стриптизе, а весь стриптиз в Панаме – колумбийки. Равно как и большинство проституток. Это не потому, что колумбийки такие испорченные, а потому, что в Колумбии нескончаемая гражданская война, и по-другому заработать на жизнь у них просто не получится, и потому что колумбийки красивее панамок, которые в большинстве своем слишком темные, слишком коренастые, рано располневшие, и красивых среди них совсем немного, на мой взгляд. Росита жаловалась на местных, что они, по сравнению с колумбийцами, недостаточно страстные и темпераментные, и при этом она будет говорить это мне, который по сравнению с любым латиноамериканцем как рыба холоднокровная. Темперамент и я вообще существуем в разных реальностях.

Но целовать ее приятно. И не только целовать. В мои-то сорок пять. Ладно, пусть так, все равно по-другому не будет.

– Все, я высушу волосы и побегу. – Росита унеслась, затем послышался звук включившегося фена.

Присвистнул телефон, приняв сообщение.

«Я внизу».

«Иду», – ответил я.

Убедился, что флешки в кармане, и вышел из квартиры. Опять знакомое ощущение проваливающегося пола в лифте, блыкнувшая короткая мелодия при открытии дверей, просторный холл. На диване у стены слева я обнаружил молодого, лет двадцати пяти, тощего и высокого парня с взъерошенными волосами, одетого в широкие шорты и свободно болтающуюся белую майку длиной чуть не до колен. В руках у него был небольшой планшет, в экран которого он сосредоточенно таращился, попутно еще и тыкая в него пальцем, явно собираясь отправить сообщение. Но меня он заметил:

– Старшой! – Парень поднялся на ноги и чуть глумливо откозырял.

– Привет, Вить, – протянул я руку.

Пальцы у него были длинные и тощие, как он сам. Атлетом Витька при всем желании было не назвать, но в своем деле он был настоящим докой, за что и ценился. Настолько докой,

что я ни разу не пожалел о том, что вытащил его из тюрьмы Ла-Хойя и до кучи еще и на зарплату взял.

В тюрьме Витёк оказался по собственной, откровенно говоря, глупости. Отправившись в Панаму за лучшей долей из родной Макеевки, он не придумал ничего лучше, как ввезти вырученные от продажи домика на родине деньги в наличных долларах, к тому же припрятав их в багаже и не декларируя. В ином месте были бы иные проблемы, но в Панаме, в которой кокаин чуть не в сигаретном киоске можно купить в среднем за десять долларов за грамм, а потом продать в Америке, например, в несколько раз дороже, отношение к недекларированной наличке крайне плохое. Такого человека сразу берут и везут в тюрьму, где он может просидеть год, а то и два, ожидая разбирательства по своему делу. Так и с Витьком случилось, который прямо с паспортного контроля отправился в отделение для иностранцев той самой Ла-Хойи – жуткой дыры, в которой даже воды нет, сидящих там раз в день выводят к реке, где позволяют набрать воду в пластиковые емкости. Да, да, прямо из реки, панамской реки, текущей через экваториальные джунгли и собирающей всю заразу. А если нет емкостей, то сиди так, без воды.

У меня в отделении для иностранцев Ла-Хойи проводил время один не слишком удачливый клиент, гражданин России и Израиля по совместительству, умудрившийся посетить половину тюрем в половине стран в силу своего неумемного желания влезать во все аферы. И он же показал мне совсем растерянного молодого парня, сказав, что тот уже успел зарекомендовать себя среди эзков, сумев что-то там наладить с Интернетом. Тут оговориться надо: пусть Ла-Хойя и дыра, но если у тебя есть деньги, то будет и Интернет, и телефон, и даже девиц приведут по требованию, только плати. И Рома, тот самый русско-израильский авантюрист, совершенно неожиданно и бескорыстно попросил парню помочь, мотивируя тем, что Витёк не злодей, а просто лох. И уговорил.

Особых трудов вытащить Витька из тюрьмы не составило, все это вылилось в несколько звонков и ужин с адвокатом Рамиресом – братом директора этой самой тюрьмы. Чуть сложнее оказалось выручить конфискованные двенадцать тысяч долларов, но и с этим разобрались. Полиция в Панаме организована американцами и не слишком коррумпирована, в ней просто бардак, как и везде. Тысяча ушла за содействие, одиннадцать Витёк получил на руки, окончательно воспылав ко мне любовью и благодарностью.

Рома, который, к слову, вскоре тоже вышел и уехал в Бразилию, наверное, за новым сроком, не соврал – Витёк оказался почти гением. Был он и программистом, и «железничником», и даже электриком, если надо. Он собирал из самых неожиданных компонентов сигнализации, быстро разобрался в предмете и теперь знал все об аппаратуре для слежения и наблюдения, он умел находить «жучки» и имел для этого все необходимое. В общем, вытаскивать из Ла-Хойи его стоило, точно стоило, ни разу об этом не пожалел.

– Держи, – я протянул ему флешки. – Сразу займись, хорошо? Не тяни. Если что обнаружишь – снимки, и машин, и лиц. Почисти, если надо. И мне почтой. И заключение. Договорились?

– Не вопрос, так и сделаю.

– На завтра у тебя все готово?

– Да, все как надо. Вы тоже подъезжайте, надо будет проверить, как сигнал идет.

– Подъедем, куда денемся, если смысл будет.

Обнаружим слежку – устроим видеонаблюдение в доме клиента, следующая стадия, чуть более затратная для его бюджета. А сами расположимся в своем чудо-фургоне неподалеку, чтобы можно было и наблюдать, и быстро реагировать, случись чего.

Флешки вместе с его планшетом переключали в небольшую сумку, висящую на плече, и Витёк заторопился к выходу, шлепая тапками по тощим пяткам. Как он в этих «флип-флопс» вообще машину водит? И не он один ведь... Я раз попробовал и на всю жизнь закаялся. Спе-

циалист наш между делом вышел на улицу, сел в припаркованный у тротуара белый пикап «Ниссан Фронтир» и уехал.

Войдя в квартиру, вытащил из-за пояса, оттянув клипсу, кобуру с компактным «Heckler & Koch P2000» и поч с запасным магазином, сложил это все в ящик у входа. Это «экипировка на выход», так что пусть у выхода и лежит, с ключами от машины и солнечными очками. Все, теперь никуда не иду, все дела дома. Через гостиную пробежала совершенно голая Росита, сверкнув смуглым телом, что-то поискала в своей сумке, валяющейся на диване, потом снова умчалась в ванную, откуда все еще доносился шум фена. Я между тем переоделся в спальне в тренировочные шорты с майкой и удалился в кабинет – мне еще с записями работать.

В свое время, чувствуя, что теряю форму и набираю вес, нашел способ совмещать нужное с полезным – поставил в кабинете велотренажер. На его ручках разместил самодельный отстегивающийся столик, а на столике закрепил клавиатуру и положил «мышку». А большой двадцатисемидюймовый монитор повесил напротив на стену. Если не печатать и не отвечать на письма, а просто смотреть, то вполне удобно получилось: и делом занят, и калории расходешь. Вместе с бассейном, что разместился на крыше моей башни, и со спортзалом на двадцать седьмом этаже, некий эффект наблюдался. Сильно скинуть вес не получилось, но в тонус пришел и, по крайней мере, дальше не набирал. И на том спасибо.

Только успел взобраться на тренажер, в кабинет забежала уже одетая Росита. Обняла, поцеловала:

- Папи, я пошла, будешь скучать?
- Буду, обязательно буду. – Я приобнял ее за плечи. – Осторожней там.
- А ты бы сам зашел и присмотрел, – засмеялась она.
- Как-нибудь, – усмехнулся я. – А так Майло присмотрит.

Хлопнула входная дверь, Росита унеслась. Она работает в «Хрустальном дворце» – это вроде как лучший стрип-клуб в Панаме, совсем недалеко отсюда, на Бальбоа тоже, она туда пешком ходит.

Познакомились мы... да как я со всеми тут знакомлюсь – через работу. Майло, а если точнее, то Мило – хорват из Амстердама, перекупил «Хрустальный дворец» у прошлого владельца, который был вынужден быстро покинуть страну после того, как у властей появились вполне законные подозрения в том, что через клуб отмываются деньги с белого порошка. Тут, собственно говоря, половина всех транзакций отмывочные, но хозяин «Дворца» действовал совсем уж нагло, зарвался. После того как Майло клуб купил и довел его до ума, превратив из посредственного полуборделя в место относительно чистое и популярное, владелец решил, что продешевил. И через оставшихся в Панаме бывших коллег подкатил к Майло за добавкой. Майло посоветовали обратиться ко мне. Я обратился к знакомым в полиции, те заинтересовались делами оставшихся в стране друзей, причем так удачно, что еще один был вынужден уехать, и дело быстро затихло. Но я в процессе спасения стрип-клуба от неправомерных притязаний познакомился с Роситой. В клубе, понятное дело. И пригласил ее... скорее, она меня заставила пригласить ее поужинать. Поужинали.

Росита была типичной колумбийкой, то есть темпераментной, веселой, неунывающей, раскрепощенной в постели. Далеко не гением, если уж быть откровенным до конца, но и не дурой из тех, от которых в ужасе ждешь, что они вот-вот откроют рот и заговорят, приходилось в жизни и таких встречать. Послушать ее было даже интересно – у Роситы было чувство юмора и умение рассказывать все истории через себя, то есть заново испытывая все эмоции. Я любил, когда она болтала. А вот ходить в «Хрустальный дворец» я уже не стал. Решил, что буду чувствовать себя странно, видя Роситу, гуляющую по залу в их униформе – белом кружевном белье, светящемся под прожекторами, или танцующую на столе для кого-то другого, и ощущать себя сутенером, что ли, не знаю. Так что за ней приглядывал Майло. «Приглядывал» – это, в смысле, «был готов защитить в случае чего». Девушки из «Хрустального дворца» уходили с посетите-

лями, если те нравились, и готовы были заплатить четыре сотни американских долларов за право увести, но Росита не уходила, это мне Майло как-то сообщил. Уходила ли до знакомства со мной? А я не спрашивал. Какая разница? Да какое право у меня спрашивать?

Вот так и живем, да. Но, в общем, мне с ней хорошо. Более или менее. И мне хочется, чтобы ей было хорошо со мной, не знаю, насколько это получается.

Маховик велотренажера негромко жужжал, я выставил нагрузку примерно на среднюю, так что на педали приходилось давить. Хорошо бы потерять эдак калорий восемьсот за время работы.

Выбрал первым ролик с основной камеры и запустил его. Он и есть основной, периферийные больше используем для того, чтобы зацепить какие-то потерянные детали или, например, выявить слежку уже за нами самими, такое тоже возможно и однажды случилось. А для того чтобы узнать, следят ли за клиентом, достаточно и этой записи.

За Гонсалесом следили, я это определил уже через минут двадцать. Две машины: белый «Акцент» и серебристая «Фиеста». Даже если следит пять машин, укрыть это от видеонаблюдения невозможно. Мы сделали восемь «съемок» в течение дня, выбирая места так, чтобы сложно было следовать за объектом по параллельным улицам. В таких условиях «хвост» вынужден просто меняться, одна машина идет ближе к наблюдаемому, вторая отстает, затем наоборот. И они обязательно попадут в кадр обе. Если ты сделал много съемок, то они попадут во все, неважно, как они маскируются за другими автомобилями и чья очередь ехать ближе. Если во всех роликах ты видишь одни и те же машины, с одними и теми же людьми внутри, вывод напрашивается сам собой. Просто как мычание, но это надо знать и для этого нужны люди. И связь с объектом наблюдения. Вот за это здесь *тоже* платят.

Дотянувшись до телефона, набрал Джеффа. Откликнулся он почти сразу.

– Привет. Есть слежка, две машины, четверо, трое мужчин и женщина. Как будут готовы фото, сразу вышлю.

– Понял, спасибо, – послышалось из трубки. – Гонсалес не ошибся, получается.

– Получается.

– Жду фотографий тогда.

– Есть что на завтра?

– Их дом.

– Сейчас позвоню Виктору и скажу, чтобы с утра начинал. Его пропустят внутрь?

– Договоримся. Береги себя.

Так, теперь остальные ролики. Мало ли что подозрительное удастся углядеть на них? Смотреть надо все, как бы ты ни был уверен в том, что уже во всем разобрался. Никогда нельзя разобраться во всем, это я уже давно понял. А снимки сделает Витёк, и он же мне их пришлет. А я перешлю Джеффу – пусть думает, что с этим всем дальше делать.

Глава 3

Когда я слез с тренажера, счетчик калорий показывал «692», так что неплохо потрудились. Залез в душ, потом быстро умял большую миску фруктового салата, который мне оставила Росита, – вроде как опять же здоровая пища. Латиноамериканки в большинстве своем сильно предрасположены к полноте, особенно те, у кого есть примесь индейской крови, и особенно разъедаются в зад, нарожав детей и решив, что все в жизни уже достигнуто. Росита, к счастью, благодаря профессии или взглядам на жизнь за собой следит. И тем самым решает еще и за меня проблему здорового питания, ей что одну порцию того же салата нарезать, что две – разницы никакой. Она вообще на кухне чувствует себя как рыба в воде благодаря более чем традиционному воспитанию.

Расправившись с салатом, я внес в программу-счетчик в телефоне название блюда, получив взамен количество калорий, добавившихся к моему дневному рациону. Вот так, даже чуть не добрав до нормы, молодец, но при этом тоскливо подумал о том, что совсем не наелся. Но затем решил быть сильным, дьявольски сильным и по холодильнику не шарить. По крайней мере за едой. Достал из шкафа бутылку молодого бордо, налил в бокал и вышел на террасу встречать закат.

Закаты здесь безумные, солнце, огромное, пронзительно-пурпурное, садится прямо в океан, за длинным рядом судов, ждущих своей очереди на вход в Канал. По волнам рассыпью переливаются искры, прилив накатывает на берег широкими пенистыми волнами. Ближе к берегу видны стоящие яхты и рыболовные баркасы. С океана тянет запахом соли, йода, а запах гниющих водорослей ушел, прилив накрыл берег. Слышно, как в баре неподалеку играет музыка, что-то мексиканское, шумят далеко внизу машины, толкаясь по Авенида Бальбоа, где-то играет саксофон, уличный музыкант на жизнь зарабатывает. Вино было легким, но терпким, даже неожиданно хорошим для такого молодого и недорогого. Надо будет, запомнив название шато и год розлива, прикупить еще, пусть будет.

Терраса у меня просторная, как и квартира, здесь, на берегу, тесно не строят. Хватило места и для шезлонгов, и для стола со стульями и газового гриля, который никогда почти не используется. В самой квартире две спальни с двумя ванными и гостиная, а площадь под двести метров. И стеклянная стена с видом на океан. И обошлось мне это счастье – а я действительно люблю свою берлогу – чуть больше чем в триста тысяч долларов, половину тех денег, что я привез сюда с собой. Но это уже кризис помог, раньше эта квартира в два раза больше бы стоила. Здесь действительно можно иметь куда больше всего за меньше деньги, даже больше, чем в штате Аризона, откуда я сюда и приехал. Долгий путь от дома, верно?

Затем телефон напомнил о таблетке. Старость не радость, вот в последний год сахар подскочил, случайно обнаружили. Теперь приходится ограничивать себя еще и в сладком, до которого всегда был большим охотником, но тут уже никуда не денешься – у отца моего был сахар высокий, а у деда так и вовсе диабет в инсулиновой форме, так что... надо беречься.

Прошел на кухню, вытащил из стенного шкафа блистер с таблетками, отломил от одной половину. Налил воды в стакан, запил лекарство, отметив про себя, что надо зайти в аптеку, запас заканчивается.

Снова присвистнул телефон в кармане. Проверил – почта пришла, от Витька. Ага, тогда к делу. Вернулся в кабинет, уселся уже за стол, переключившись на другой монитор, поменьше. Так, с десятков файлов пришло... открываем.

Витек изображения подчистил и поправил, это заметно. Уменьшил контрастность там, где падала тень на лица, отдельно выделил номера машин, в общем... все, как у нас и заведено, мы своей работе стандарты сами задаем. В «Фиесте», кажется, двое братьев... если не близнецы даже... только очки разные и прически. У одного борода, второй выбрит начисто. Волосы

светлые, к слову, не из местных публика. Приехали за Гонсалесом из Майами? Очень может быть, все случается.

В «Акценте» мужчина и женщина. Оба молодые, до тридцати, женщина... то ли латиноамериканка, то ли азиатка, очки большие, глаз не видно, смотрит все время как-то неудобно для камеры. Мужчина среднего сложения, кажется, насколько получается разглядеть, с короткой стрижкой, круглолицый, нос короткий, прямой, уши чуть оттопырены, волосы темные, может быть кем угодно и откуда угодно. И тоже темные очки. Ничего удивительного и подозрительного, здесь все в очках, солнце очень яркое, я тоже их почти что не снимаю.

Машины... машины обычные, хотя... не совсем... у «Фиесты» на стекле маленькая наклейка. Витёк молодец, заметил ее и выделил, заодно почистив и укрупнив. Зелененькая надпись, знакомая... хоть и прочитать сложно, но по начертанию узнается... ага, да это «National», одна из крупных прокатных компаний в Панаме. Машина прокатная... уже интересно. Переписал номер, затем нашел в списке контактов «WhatsApp» имя «Висенте» и отослал запрос: «Можешь проверить номера?»

«Как обычно?» – почти сразу пришло уточнение.

«Как обычно» – это «сто долларов», если понятней. Я ответил просто: «Да». И выслал оба номера.

«Завтра с утра», – пришел ответ.

Ну да, рабочий день закончен. Висенте, который работает в полиции, уже дома, с женой и детьми. Все теперь завтра.

Позвонил Витьку, сказал, чтобы завтра с утра брался за дело. И на пикап пусть наклеит рекламу «инсталасьонес электрикос», чтобы меньше вопросов у соседей было.

Налил себе еще вина, попутно отметив, что алкоголь очень калорийный и я все свои труды пытаюсь пустить насмарку. Но бокал допил и, поборов соблазн налить еще один, отправился спать.

Проснулся под утро. Тихо пискнул, активировавшись сам по себе, нетбук на тумбочке в изголовье кровати – тоже работа Витька, к слову. Я уставился в экран, заранее зная, что там увижу, и что ожидал, то и увидел – скрытно расположенная камера поймала Роситу, вошедшую в квартиру и запирающую дверь за собой. Кивнув, я прикрыл крышку компьютера и завалился на подушку. Росита, наверное, и не знает до сих пор, что каждый раз, входя в дом, попадает в камеру. Ну и не надо знать, а то разболтает кому не надо, стрип-клуб – это не детский сад. Всякая система безопасности хороша до тех пор, пока о ней не знают.

Когда Росита вошла в спальню, я сделал вид, что сплю. Она забралась под одеяло, прижалась к спине упругой грудью, я почувствовал ее дыхание на шее. Но виду не подал, а вскоре и вправду уснул.

Когда проснулся, она, понятное дело, видела уже третий сон. Если бы она работала каждую ночь, мы бы, наверное, даже не встречались, только видели друг друга спящими, но сегодня она останется дома. Тоже результат ее нынешнего положения, раньше она работала почти каждую ночь, надеясь накопить денег и как-то устроиться или здесь, в Панаме, или дома, в Колумбии. Виза у нее была временная, пока работает, и власти за этим здесь следят, выдворяя оставшихся. Но эту проблему с помощью связей тоже удалось решить, так что жизнь Роситы стала намного спокойней.

Утро принесло легкий запах водорослей – океан отступил от берега, обнажив серую грязь, покрытую заполненными водой ямами и грудями бурых этих самых водорослей. В Сьюдад Панаме нет ни единого пляжа, песка здесь нет вообще. Большинство пляжей в Панаме со стороны Карибского моря, да и те не слишком чистые, течение приносит туда весь мусор со всех сторон, а отсюда, с океана, пляжей всего несколько. И при этом они то закрыты из-за акул, то еще что-то с ними не так. И купаться, догоняя ушедший далеко-далеко в отлив океан, на них

плохо. Отели, что стоят на берегу, строят огромные бассейны, заполняя их, через фильтры, водой из океана.

Есть великолепные пляжи на архипелаге Ла-Перла, что в пятидесяти километрах от берега Перешейка, но туда так просто не накатаешься. Да и не люблю я пляжи, если честно, я там сонным становлюсь и сгораю вечно, так что ну их на фиг.

Достав из холодильника три баночки обезжиренного йогурта без сахара, но зато с фруктами, я вышел на террасу. Еще не очень жарко, еще даже духота всерьез не навалилась, так, как она придавит в середине дня, так что на балконе сейчас хорошо. Сняв с крючка дешевый, но мощный китайский бинокль, посмотрел на огромный круизный лайнер, входящий в Канал. На очереди стоял глубоко сидящий «Панамакс» – танкер такого размера, который как раз через наш Канал может проходить. И рыбаков прибавилось, с утра самый лов.

Ел медленно, напоминая самому себе, что чем медленней ешь, тем лучше ты сыт. Совсем свихнулся на диете, получается, а деваться некуда. Возраст, чего ты хочешь. Затем выпил кофе, без кофеина, понятное дело, посмотрел на часы и решил, раз уж никто пока не звонит, подняться в бассейн. А потом и железки поворачать, если успею.

Не успел. Сначала прислал сообщение Висенте и сказал, что машины с такими номерами в «Насьональ» нет. А номера числятся за развозным фургончиком, с которого они недавно исчезли, и стареньким «Ниссаном», у которого их скрутили на стоянке. Тупик? Ну, вроде бы в прокат сдается много машин, и найти среди них ту, что попала к нам в кадр, даже для полиции было бы сложно, не говоря уже про нас, кустарей-одиночек. Но уверенность в том, что за Гонсалесом следовали люди криминальные, решительно окрепла.

Затем позвонил Витёк и сказал, что его на подъезде перехватил Джефф. И развернул обратно, не объясняя причин, сказал, что так надо. И едва я собрался Джеффу звонить, как он проявился сам.

– Какие-то новости? Виктор сказал, что ты его туда не пустил.

– Точно, новости. – Голос его звучал странно. – Не пустил. Кто-то убил жену и сына Гонсалеса и похитил его дочь. Прямо из дома в Коста-дель-Эсте.

Я вздохнул, зажмурился, чувствуя, как немеет лицо. Никогда не видел семью Гонсалеса, только его самого и лишь однажды, но... страшно это, просто страшно. Потом спросил:

– Кто?

– Я же сказал: «кто-то», – вздохнул он. – Мы не знаем.

– Дерьмо, – выругался я вполне искренне. – Надо было сразу ставить ему в дом наблюдение.

– Ты знаешь, что он отказался. Да и ты не успел бы.

– Успел бы, у нас всегда все готово для этого.

Да, Гонсалес отказался, сказал, что следят за ним, а не за семьей. И если обнаружим слежку за ним, то тогда займемся домом. Вроде логично, но логика немного хромает. Если он отмывал деньги от наркотиков в Майями, то это были, скорее всего, колумбийские деньги. Как если бы он отмывал в Лос-Анджелесе, то я бы сказал, что деньги мексиканские. Ни колумбийцы, ни мексиканцы из наркокартелей, если собираются кого-то убить, не стесняются убивать заодно и семьи. Они считают, что так эффективней и эффективней. Может, и так, некая ублюдочная людоедская логика в этом есть. Странно, что Гонсалес отказался. Денег пожалел или что-то не хотел показывать? А ведь мы бы могли знать, кто к нему вломился.

– Как это произошло?

– Пока там полиция работает, но Стив кое-что выяснил. Их затащили в подвал и там застрелили. Оружие не нашли, но предварительно – триста восьмидесятый калибр. По два выстрела в голову, одним валили, второй шел как «контроль».

– Ты фото получил?

– Стивен уже передал их в полицию.

Ну да, мы работаем до тех пор, пока с полицией дружим. Да и вообще это их работа, искать убийц. Хотя и очень сомневаюсь, что найдут.

Вообще Панама считается спокойной страной, но спокойной по латиноамериканским меркам. Здесь, в столице, например, уровень убийств очень высокий, но убийства распределяются или по трущобам, которых здесь много, или среди специфической публики вроде наркотрафикантов, которых тут еще больше. Сальвадорские банды, никарагуанские, колумбийские, гватемальские, в последнее время прибавилось мексиканцев, оттянувших на себя большую часть колумбийского кокаинового трафика, они тоже почему зря стреляют друг друга. Члены *randillas* в своих *barrios* стреляют и режут, едва увидят кого-то неправильного на своем клочке земли, и никого это не волнует.

А вот турист, например, рискует быть разве что обворованным и ограбленным, но обычно не убитым. И то, если выйдет за пределы сверкающих центральных районов города в неправильное время. Правда, это не сложно, потому что главная трущоба Сьюдад Панама расположена совсем рядом, это *Casco Viejo*, и в ней, одновременно с толпами наркоманов, уличными негритянскими бандами и помойками в развалинах, расположен президентский дворец, например. И много посольств. И всякие туристические достопримечательности, так что выходит как в кино, «ты туда ходи, а туда не ходи». Такой вот... город контрастов.

Еще бывают перестрелки «на бытовой почве», нелегального оружия здесь *очень* много. Пару лет назад по всему городу гонялись друг за другом два джипа с пьяными компаниями и палили почему зря, а за ними гонялась полиция. Остановили, в конце концов. Несмотря на активную стрельбу, обе машины были почти целыми, а пострадала лишь толстая девица в одной из них, которой пуля пробила одну ягодицу и застряла во второй. И все.

Так, к чему это я... к тому, что убивают все же много. А убийц находят мало. В случае стрельбы в трущобах их просто никто и не ищет, чтобы сесть в тюрьму, например, надо начать воровать или торговать наркотиками уже за пределами своей помойки, тогда полиция очень даже может тебя загрести. Убийства в наркокартелях расследовать еще сложнее, да и плевать полиции на то, что *pagos* друг друга убивают. Находят чаще всего «просто убийц», бытовых и всяких подобных. Там, где жертва обычный гражданин, так сказать. А вот убийство семьи Гонсалеса мне кажется все же... «наркоубийством». Или все же нет? Убита семья, глава которой отмывал кокаиновые деньги – все признаки налицо.

Что меня смущает? Пожалуй что внешность тех, кто сидел в машинах. Ну не бывает здесь убийц европейской внешности. Даже если бы Гонсалеса заказал кто-то из Америки, он все равно бы обратился к кому-то местному. И в машинах были бы типичные местные бандитские морды. И не было бы женщины, пожалуй, это тоже не в местной традиции. Все в этой ситуации странно, очень странно.

Я поймал себя на том, что так и сижу на скамье, задумавшись, начисто забыв про штангу. Ладно, сегодня упражнения побоку, найдутся другие дела. Достал телефон, позвонил Кике, сказал, чтобы тот ехал в офис, а сам спустился домой, переодеться.

Росита спала, естественно, так что я старался не шуметь. Привычно надел легкие чинос, просторную гавайку, натянул мокасины на босу ногу – и легко, и удобно. Прихватил сумку из кабинета, на выходе воткнул внутрь, за пояс брюк, кобуру с «хеклером», заодно так же привычно проверив, с собой ли у меня зеленая карточка оружейной лицензии. Сгреб ключи от машины, очки RayBan и ушел, закрыв за собой дверь на ключ.

Если у панамца есть деньги, он покупает себе внедорожник «Toyota Prado». Скорее всего белого или серебристого цвета. В результате в центре таких машин много, так что обладание одной из них делает тебя почти что невидимкой. Когда я выбирал машину для себя, то руководствовался в основном этим критерием. Гаражные ворота поднялись, повинаясь команде с пульта, и выпустили меня на Авенида Эквадор, откуда я выехал на Бальбоа, где сразу втолкнулся в поток машин, выбрался от него по развязке на Корредор Сур и по нему рванул уже

вдоль берега, к 124-й Восточной, к огромной промзоне почти что сразу за Коста-дель-Эсте, в которой жил Гонсалес.

Снова промелькнул утыканный небоскребами waterfront, на этот раз уже слева, дорога, поднятая на могучих столбах, повисла над океанскими волнами, затем снова вернулась на берег, возле заправки «Дельта» вывела меня на развязку, проложенную по будущей стройплощадке – землю уже разровняли, но строить еще не начали. А затем показалось скопление всевозможных, современно выглядящих промышленных зданий – всякие склады, офисы, фабрики вроде мебельных или по изготовлению акрилового волокна, сборочные производства – целый район, черт ногу сломит. Но опять же, когда я подбирал место под офис, отчасти таким критерием и руководствовался. Я клиентов в офисе не принимаю, выезжаю на встречи, а там именно что штаб-квартира. Даже адреса никто не знает, и никто посторонний там не был.

«Тойота» повиляла по нешироким, забитым грузовиками проездам, нырнула в один из дворов, под автоматически поднявшийся шлагбаум, остановилась у стены склада на очерченном прямоугольнике, рядом с уже знакомым пикапом «Ниссан». Вышел из машины, ощутив, как усиливается духота – солнце беспощадно испаряло влагу что с океана, что с джунглей с обратной стороны города – мокрых, болотистых, буквально пропитанных водой. Ну и часам к пяти небо опять разродится дождем. И так каждый день, круглый год.

Подойдя к неприметной двери, позвонил в домофон, заодно глядя в камеру. У меня и ключ есть, но как-то не хотелось застать Витёка в неудобный момент: вдруг он еще не проснулся, и вдруг он не один?

Витёк, после того как я вытащил его из Ла-Хойи, начал устраиваться в городе. И первым делом попытался заселиться в Каско Вьехо, невзирая на мои предупреждения. Как и подобает хохлу (по себе знаю), он упрям и даже на разумные доводы реагировать не любит. Сказал, что там ему нравится. Пусть и не в самую трущобу залез, с краю поселился, но допрыгался очень быстро – был изловлен на улице какой-то шпаной, которая не удовлетворилась тем, что выгребла у него из кошелька все, что в нем было, а потащила его еще и к банкомату деньги снимать. Его не шибко обильное состояние спас дневной лимит, выдав всего пять сотен, но жить ему там сразу разонравилось. Витёк захотел пистолет, и я отвез его в Клэйтон – совершенно американский городишко неподалеку от столицы, в бывшей Зоне Канала, где один знакомый русский держал оружейный магазин и стрельбище. Там Витёку помогли оформить лицензию, а потом продали ему компактный «глок», с которым тот теперь не расставался. А стрелять и более-менее попадать в цель я нашего специалиста сам научил. А еще он начал ночевать в офисе, а если точнее, то в мастерской, да как-то так вышло, что там и обосновался. Там была хорошая душевая, которую Витёк еще и отделал получше сам, после чего она стала выглядеть так, словно ее украли из хорошего отеля, а затем в одну из комнат завез двуспальную кровать, еще какую-то мебель, да и остался. Ну а я не возражал, потому что без дела он сидеть не мог, все время возился или с компьютерами, или с чем-то еще, и в основном по делу, ну и офис все время был под присмотром, и специалист под рукой.

Электрозамок в двери щелкнул, я зашел внутрь, снова с облегчением вдохнув кондиционированный воздух. Внизу у нас была одна большая комната, которая использовалась и как склад, и как мастерская, и даже гараж при необходимости, потому что в нее можно было заехать через поднимающиеся ворота. А на втором этаже был собственно офис и комната, в которой спал Витёк.

– Ты уже здесь? – крикнул я снизу лестницы.

Вроде глупый вопрос, но на самом деле открыть мог и не Витёк.

– Здесь! – послышался ответ.

Кивнув, я поднялся вверх. И сразу столкнулся с Белен – пухлой густо-смуглой девочкой родом из Мексики, в прямоугольных очках на круглом лице и с блестящими черными волосами, убранными в хвост, которая работала программистом в каком-то банке и с кото-

рой Витёк познакомился каким-то непонятным для меня сетевым способом. Но секс, похоже, у них был традиционный, без всякого хайтека. Надеюсь. Красавицей она не была, но была обаятельной болтушкой, а еще у нее были очень хорошие глаза и совершенно замечательная улыбка. И Витёк, как зачастую с такими тощими хлопцами и бывает, любил девиц попухлей, так что Белен в его стандарт вполне укладывалась. Может, даже олицетворяла этот самый стандарт. В любом случае Белен с чего-то взялась Витька чуть не боготворить, непонятно, за какие заслуги. Ну и ночевала здесь чуть не каждую ночь. Ее я в виду и имел.

– Хотите кофе, хефе? – спросила она меня сразу.

Белен себя здесь как дома чувствовала, а иногда даже бралась быть кем-то вроде секретарши. В общем, своя совсем. Кофе она как раз и варила, пристроившись в крошечном кухонном уголке нашего офиса. Офис был просторным, но скромным – длинный стол, дешевые стулья с пластиковыми сиденьями, все с фабрики, что расположилась на этой улице и штамповала подобную мебель, на серых стенах несколько больших фотографий с черно-белыми видами старой Панамы. Без них тут вообще как в бункере было бы.

– Нет, спасибо, я лучше воды, – отказался я, направившись к холодильнику.

Белен меня опередила, открыв дверцу и вытащив маленькую бутылку минералки.

– Стакан?

– Нет, спасибо, я так, – кивнул я, принимая сразу запотевшую бутылку у нее из рук.

Кофе, как оказалось, варился Витьку. Белен закончила и сразу убежала, я увидел в окно, как ее маленькая серебристая «Пиканте» выехала из двора. И сразу же в ворота заехал наш белый «Юрвэн» – Кике появился.

– Витёк, давай запускай вчерашние ролики на большой экран, будем смотреть вместе, – сказал я после того, как дверь внизу хлопнула, пропуская Кике. – Может быть, что еще заметим.

Глава 4

Посмотреть все мне не удалось: снова позвонил Джефф и на этот раз попросил встречи.

– Без проблем, куда надо подъехать?

Просто поболтать мы и не в такое время сможем встретиться, так что Джеффу что-то нужно.

– Ты у себя в офисе? – уточнил он.

– Точно.

– Могу через десять минут быть в «Метромолле», если тебе удобно. В «Гриль-и-таверн», не против?

– Нормально.

Мне туда тоже рукой подать, как раз с обратной стороны промзоны. А у Джеффа со Стивом вообще никакого офиса нет, так что он как раз больше по барам и ресторанам с людьми встречается.

– Тогда там увидимся.

– Буду. – Я отключился и повернулся к Витьку с Кике: – Тогда вы сами досматривайте. Если интересное обнаружите – высылайте фото, хорошо? Я к Джеффу.

– Да все понятно, – кивнул Витёк, не отводя глаз от экрана, по которому он в замедленном режиме двигал белый «Акцент». – Если что, то мы сразу.

Не теряя времени, подхватил сумку и сбежал вниз, во двор. Машина уже раскалилась на жаре так, что пришлось опустить окна, пока кондиционер не включится в полную силу. Помогло слабо, но все же застоялый воздух из салона вытянуло. Выехал со двора, разминувшись с длинным восемнадцатиколесником, проехал до Авенида Хосе Агустин Аранхо, свернул направо и через несколько минут парковался у «Метромолла» – большого торгового центра, по выходным забитого так, что машину некуда приткнуть. Но сейчас не выходные, а будни и время рабочее, так что стоянка возле него была если и не пустой, то вполне свободной, мест хватает. Вход в «Гриль-и-таверн» был не в самом молле, а сбоку, через симпатичную террасу, уставленную столиками с бело-зелеными скатертями. Огляделся – ни Джеффа, ни Стивена пока не было, то есть я первым добрался. Выбрал столик на террасе, в тени, сел спиной к витрине. Официантка – невысокая смуглая полная женщина с густыми выющимися волосами, подошла почти сразу.

– Большое пиво пока, – сказал я сразу. – И три меню, пожалуйста, я жду кое-кого.

– Спасибо, кабальеро, – поблагодарила она и быстро ушла.

Пива ждать пришлось недолго. Вернулась она почти что сразу, выставив передо мной быстро запотевающий высокий бокал. «Хайнекен» у них за дежурное разливное. Ну и хорошо, он мне как раз и нравится. Едва пригубил – в дверях показались Джефф и Стивен.

Обоим было за пятьдесят. Джефф высокий, под два метра ростом, мощный, чуть отяжелевший с возрастом, руки толщиной с хорошее бревно, покрыты татуировкой. Выражение лица всегда мрачное, но на самом деле он на редкость добродушный человек, как обычно и бывает с людьми большими и сильными. Одет всегда «полутактически», под свободно свисающей рубашкой видны очертания кобуры. Компактных пистолетов он не признает, носит полноразмерный XD сорок пятого калибра. Местные законы против этого не возражают – есть разрешение, и носи как хочешь, хоть скрытно, хоть открыто. Мы с Джеффом, пожалуй что друзья. Во всяком случае, вместе выбираемся out или ходим на стрельбище. Работа сблизает, особенно такая. Когда он сел на стул, тот жалобно скрипнул.

Стивен ниже и толще Джеффа. Очень быстро говорит, причем с таким сильным ирландским акцентом, что я даже не всегда понимаю все с первого раза. Он лысый, причем лысый

совершенно – ни волос, ни бровей, ни ресниц, даже на руках нет волос. Глядя на него, вспоминаешь выражение «как бильярдный шар» – это прямо про него.

Посидели с меню, дождалась официантку, сделали заказ. Здесь антрекоты хорошо жарят, вот себе такой и попросил. После того как женщина с заказом удалилась, я наконец спросил:

– Зачем встречаемся?

– Гонсалес хочет найти дочь, – ответил Джефф. – Хочет, чтобы ее нашли мы.

Вот как?

– Полиция здесь умеет искать похищенных, – удивился я. – Он что, не хочет иметь с ними дело?

Похищения – латиноамериканский бизнес, и на борьбе с ними местная Полисия Насьональ руку давно набила. Впрочем, речь идет о таких похищениях, при которых обращаются за выкупом, а пострадавший обращается соответственно в полицию. Но есть люди, которые боятся того, что может всплыть при расследовании, и именно они ищут обходные пути. Как в этом случае?

– Он с ними уже имеет дело, все формальности соблюдены, – вступил в разговор Стивен. – Он, как сам говорит, хочет использовать все возможности. И он платит.

– Я никогда не искал людей, – развел я руками. – И никогда не работал в полиции. И никогда никому не говорил здесь, что умею вести расследования. Я специализируюсь на безопасности, но как раз мои умения Гонсалесу не понадобились.

– Я умею искать людей, – ответил Стивен. – И у меня есть контакты. Но если мы пойдем своим путем, то ты тоже понадобишься. Наверняка. Поэтому хотим уточнить, можем ли на тебя рассчитывать.

– Если платите и не предлагаете заниматься тем, что я не умею, – рассчитывайте. – Это деньги. Убийство семьи клиента – трагедия, но мне еще нужно и зарабатывать на жизнь. Но насколько вообще реально ее найти самим? У полиции больше возможностей, если Гонсалес с ними сотрудничает.

– Гонсалес многого недоговаривает, – снова заговорил Джефф. – Стив его проверил по своим каналам сегодня и... узнал много интересного. Неожиданного, скорее.

– У Гонсалеса не было проблем в Майами, никто его не преследовал, – заговорил Стив. – Занимался он разными делами, но, похоже, ничего особо криминального в них не было, скорее просто сомнительные сделки, которые разве что комиссию по ценным бумагам заинтересовать способны. И то не заинтересовали.

– Даже так? – удивился я.

– Именно так. Вся информация по местным экспатам² с наркопрошлым есть у Билла Мерфи. Знаешь его?

– Слышал о нем.

В нашем узком сообществе о нем все слышали. Мерфи сидит в Панаме от DEA – американского агентства по борьбе с наркотиками. Сидит очень хорошо, со связями вплоть до президента, да оно и понятно. Когда-то американцы в этой стране разогнали армию и арестовали президента как раз по обвинению в приватизации наркопотоков. Идиоты по сей день считают его борцом за что-то там светлое, но это не так – такого грязного политика, как Норьега, надо было поискать. И с тех пор большие дяди с севера за Панамой сильно приглядывают, что, впрочем, не слишком помогает остановить поток контрабанды белого порошка.

– Так вот у Билла Гонсалес никакого интереса не вызывал. И в его базах данных не значился. Я с ним пару часов назад говорил.

– Тогда откуда слежка?

– Мы не знаем, – пожал он плечами. – И сам Гонсалес уверяет, что понятия не имеет.

---

² Экспат – expatriate, человек, переехавший в другую страну.

– Он вообще как, адекватен?

– Я бы не сказал, – покачал головой Джефф. – Он в полном помрачении. Он убит горем и сходит с ума. Но на нашем приватном расследовании продолжает настаивать. И я не вижу причин, почему мы должны ему отказать – он и платит, и понимает все риски, и всегда есть вероятность того, что у нас что-то получится. Даже мы так думаем.

– Что полиции известно?

– Ничего. – Стивен поморщился и отпил из бокала. – В самом доме были камеры и работала запись, но тот, кто все сделал, нашел рекордер, на который все писалось, и унес с собой.

– Соседние дома? Въезд?

– Камеры с соседних домов, где они были, показали, что по улице за это время проехало примерно пять машин. Сейчас они пытаются выяснить, кто это был. Надолго, что интересно, ни одна машина не задержалась. Если и останавливались, то очень ненадолго. Настолько ненадолго, что...

– Я понял.

На столько ненадолго, на сколько необходимо, чтобы высадить убийц, например.

– Дважды не проезжал никто, – добавил Стив. – Пешком к вилле подобраться нетрудно, ты сам знаешь. Но все равно в какую-то камеру попадешь. Никто не попал.

– Значит, все же на машине?

– Выходит, что так. На одной привезли, на другой увезли.

– На въезде камера есть?

– Есть. Записи тоже смотрят. Но тут еще одна проблема. – Стивен поморщился так, словно у него зуб болел. – Расследование ведет Фуэнтес. Знаешь такого?

– Нет.

– Неважно. В общем, он не очень склонен сотрудничать с посторонними. И подходов к нему мы не знаем.

– Стив, чем могу – помогу. – Я сразу понял, что Стив намекает на Висенте, который сидит в информационном отделе полиции и по факту допущен почти что к любой информации. – Не знаю только, какие будут расценки за доступ к информации о таком убийстве. Это не номер проверить.

– Я понимаю. И Гонсалес все понимает. Гонсалес платит миллион за дочь, если мы найдем ее живой. И миллион за убийцу. Или убийц.

– Живых?

– С доказательствами, – мрачно усмехнулся он. – Лучше живых, чтобы могли говорить, я думаю. Прямо он этого не сказал, но намекнул очень понятно.

– Я его понимаю. Ладно, договорились. Вы с ним встречаться собираетесь?

– Сегодня вечером, – снова заговорил Джефф. – Хочешь присутствовать?

– Я должен понимать, с чем имею дело. Так что да, хочу.

– Он сейчас остановился в Оушн Клаб, там встретимся, в восемь вечера.

– Где именно?

– Я позвоню, пока не знаю. Договорились?

– Договорились.

Да, договорились. Разделить миллион интересно, возмещение расходов – тоже, но мне очень хочется увидеть тех, кто убил его семью. И даже подержать за горло. Очень, очень хочется. Пусть даже я никогда не видел ни жену Гонсалеса, ни его детей.

Глава 5

Договориться легко, а вот сделать все – это куда труднее. Но какая-то фора у нас есть – наша видеосъемка. Готов поручиться за то, что следившие нас не раскрыли, а следовательно, не знают, что лица четверых из них, пусть и частично укрытые очками, есть на фото. Еще есть две машины, пусть с краденными номерами, но это тоже кое-что. Следили за Гонсалесом для того, чтобы точно знать: он не появится дома в неподходящий момент со своим шофером и телохранителем Дарко, сербом, который и повоевал в свое время, и теперь всегда был вооружен. Следили не один день, если Гонсалес успел заподозрить, следовательно, выжидали. Немного для начала, но что-то есть. Что-то – это всегда лучше, чем ничего.

Я снова нырнул в промзону, в ее суету, толкотню грузовиков и грязноватые улицы, с травой, выбивающейся из земли под бетонными заборами. На дороге оказался за низким широким трейлером, медленно везущим экскаватор, – ни обогнать, ни свернуть, он ехал прямо туда, куда нужно было мне, выстроив за собой целый хвост терпеливо волочащихся машин. Затем я с облегчением свернул в сторону, под шлагбаум, открыв его с пульта. Все, на месте.

Духота, как обычно здесь и было, все сгущалась и сгущалась, становясь настолько ощутимой, что ее хотелось руками от себя отгонять. Дождался, пока разглядевший меня в камеру Кике откроет дверь, поднялся вверх.

– Ну, что у вас?

– Кое-что есть, – сказал Кике, кивнув в сторону Витька, который с отчаянно увлеченным видом смотрел в экран монитора – верный признак того, что и вправду нашли.

Сам Кике при этом чистил, разложив на старой газете, «моссберг» – помповый дробовик, который мы хранили здесь, на всякий случай. Все верно, в этом климате оружие чистить надо часто, а если оно не из нержавеющей стали, так просто каждый день, иначе ржавчиной пойдет. Поэтому мало кто в этой стране держал большие арсеналы – смысла нет, чистить замучаешься, или держи постоянно в консервационной смазке. Впрочем, хорошие кондиционеры спасли положение, так что я все же немного драматизирую.

– Вить, что нашли?

– Лицо нашли... Сейчас закончу и покажу.

Хоть Витёк и не любил, когда ему через плечо заглядывают, я решил на его слабости наплевать и заглянул. И увидел сильно увеличенную и очень искаженную фотографию мужского лица, причем сразу понял, что это именно тот человек, который ехал с женщиной в «Акценте».

– В стекле соседней машины отразился, – пояснил Витёк, выразительно вздохнув, чтобы дать понять, что я ему мешаю. – Сейчас почищу, растяну и покажу, хорошо?

– Ладно, давай, – хлопнул я его по плечу и направился к кофеварке.

Выловил из коробки капсулу с «декафом», вставил в машину, нажал кнопку. Зажужжал насос, в чашку полилась тонкая струйка, в офисе вкусно запахло, даже Кике поднял голову.

– Хочешь? – предложил я ему.

– Я сам потом сделаю, – хмыкнул он. – Не понимаю смысл кофе без кофеина.

– Я тоже не понимаю. Но мне нравится.

Небольшая чашка налилась под край, я вытащил капсулу и выбросил ее в мусорку. Кофе был... да нормальный, как обычно. Пока допил, Кике закончил с ружьем, а Витёк объявил:

– Готово!

Человек в «Акценте», сидевший за рулем, зачем-то снял очки ненадолго и посмотрел влево, в сторону соседней машины. И отразился в тонированном, почти черном стекле. И Кике, спасибо ему за зоркость, это заметил. Витёк почистил изображение, растянул, компенсируя кривизну стекла, и получил пусть и не самый лучший, но вполне внятный портрет. Довольно

молодой, не старше тридцати, мужчина, с приятным и даже, по-иному и не скажешь, симпатичным лицом. Короткий прямой нос, вздернутые брови, плотно сжатые губы, рот странно маленький, с тонкими губами. Национальность? Может быть ирландцем или англичанином. Ну, такой примерно типаж, все же. Хотя ставить бы на это не стал.

– Ну, Вить... это уже что-то, – вполне серьезно сказал я. – Это уже лицо.

– А то! – загордился он.

– Распечатай несколько штук. И скинь мне на почту. И в «вассап», хорошо?

– Сделаю.

Он сделает. А я что с этим фото сделаю? Стиву отошлю для начала. И Висенте, им американцы поставили программу поиска по фото. Может быть, это лицо где-то мелькало? Кто знает.

– Вить, и все остальные морды на бумаге распечатай, хорошо? Плевать, что в очках.

– Сделаю, – повторил он.

Усевшись на диван, вытащил свой планшет, дождался, когда он включится в сеть. Проверил почту – Витёк фото успел выслать. И сразу переслал его Стивену и Джеффу с сопроводителькой, чтобы времени не терять.

– Хефе, для меня что-нибудь есть? – спросил Кике.

– Может быть, но пока не знаю. Будь пока здесь или в пределах досягаемости, хорошо? Я позвоню, если потребуешься.

– Если не потребуюсь – тоже позвони, – усмехнулся он. – А то меня жена домой не пустит.

– Обязательно.

Все верно, а то он так на круглосуточное дежурство останется, опять же, крайне нетипичная для латиноамериканца черта, такая убийственная обязательность.

Так, от Стива подтверждение пришло, что он фото получил. Отстукал ему в ответ:

«Знаешь его?»

«Нет».

Жаль. Но было бы странно, если бы знал. Снова сообщение, уже для Висенте:

«Есть фото для проверки, все как обычно. Сможешь?»

Ответ был лаконичным и пришел почти что сразу:

«На gmail».

Куда сказали, туда файл и выслал. В ответ пришло еще одно сообщение:

«На PayPal еще ничего не пришло».

Ну да, за автомобильные номера я деньги еще не отправил. Отстукал в ответ:

«Проверь через 5 мин.».

Открыл свой PayPal и сразу отправил сто долларов. Отношения надо не только поддерживать, но и укреплять.

Все, с этим закончили. Что еще осталось? Еще остался клиент, который хочет проверить потенциального партнера. Другие дела тоже забрасывать не надо. Точнее, даже не партнера, а покупателя на часть бизнеса. Клиент закупает запчасти для машин в Бразилии, собирает их на складах здесь и отправляет покупателям дальше, чуть не по всему миру. Особо не процветает, так что предложение на покупку его удивило. А учитывая то, что по примерно такому же маршруту идет белый порошок из Колумбии и Боливии и бизнес продается не весь, а только его часть, продавец очень опасается оказаться по уши в дерьме. В общем, до вечера займусь его делами.

Полез в телефонную книгу, нашел номер одной гондурасской адвокатской конторы, которая открыла филиал в Панаме, дождался мелодичного женского голоса и сказал:

– Мне надо встретиться с адвокатом Паломаресом.

– Как вас отрекомендовать? – поинтересовался мелодичный голос.

– Серхио Руднев, вы меня знаете.

– Как поживаете, сеньор Руднев? – Голос сразу стал не таким официальным. – Я сейчас свяжусь с адвокатом Паломаресом, минутку.

– Спасибо, Росио.

Действительно, в минутку она уложилась. Меня ждали в любое время, потому как почтенный адвокат Мануэль Томас Пинья Паломарес мне этого самого клиента и подогнал. Так что куда он денется, примет.

Глава 6

Офис «Абохадос, Паломарес и Гарсия» находился на Бия Эспанья, в здании, прижавшемся к банку HSBC. Туда довольно долго пришлось проталкиваться через пробки, с которыми здесь все хорошо, особенно по той причине, что местные водители все правила по возможности игнорируют, что заставляет меня вспоминать родную Москву и заодно плохо думать о родной стране. Как-то по этому параметру недотягиваем мы до звания «цивилизованных».

Встать было негде, но меня ждали, и опять все вышло, как в Москве, после того как я протиснулся между такси и «красным дьяволом», упитанный охранник в серой униформе отодвинул металлический барьер и показал мне, куда можно встать, потом с удовольствием получил от меня немного денег. Закрыв машину и в очередной раз ощутив, как на жаре почти мгновенно все поры тела пробиваются потом, я прошел в стеклянный подъезд здания, где столкнулся с приметой уже чисто панамской – средних лет плотным мужичком в легких брюках и белой рубашке, державшим в руках помповый дробовик. На груди у него был бэйджик «Безопасность». Здесь много охраны, сплошь вооруженной. Много заборов. Те заборы, что вокруг хороших отелей, например, с «егозой» поверху. И с камерами. Не будет их – украдут все, что только можно.

Офис был на втором этаже, массивная, темного дерева дверь, рядом на кремового цвета стене табличка с названием фирмы. Домофон, щелчок электрозамка, и я оказался в претенциозно обставленной приемной, напротив стойки, за которой сидела смуглая и скуластая, но очень симпатичная девушка, белозубо заулыбавшаяся навстречу.

– Добрый день, сеньор Руднев, – заговорила она, вставая. – Адвокат Паломарес как раз заканчивает встречу и сейчас вас примет. Хотите кофе или воды или чего-то другого?

В Панаме, как и во всей Латинской Америке, пунктуальность не считается одной из главных добродетелей делового человека. Мне надо было бы приехать позже, но этому я как раз научиться не могу, вечно прихожу вовремя или даже раньше, чем надо. Привычка, которая вторая натура.

– Просто воды, Росио, – улыбнулся я в ответ. – Как поживаете?

– Прекрасно, сеньор Руднев! – Она заулыбалась еще лучезарней, а я между тем отметил новые часы «Булгари» у нее на руке.

Похоже, что с адвокатом Паломаресом у нее действительно все хорошо. Часы позволяют предположить, что Росио уже переросла статус секретарши и вполне подходит для положения «освобожденной любовницы», но тут, я думаю, палка о двух концах – станешь просто любовницей, и уважаемый адвокат возьмет новую секретаршу. И кто знает, что он ей будет дарить и чем это все закончится. К тому же его жену тоже не следует сбрасывать со счетов.

Планшет, планшет помогает ждать. У меня в нем игры вроде «клондайка» и «ма-джонга», в нем SIM-карта и, соответственно, доступ в Интернет, в общем, без него было бы намного хуже. Поэтому я уже привычным и тренированным движением извлек его из сумки и включил. Росио принесла мне стакан воды со льдом на маленьком лаковом подносе, поставила его на кофейный столик рядом. Когда она возвращалась к своему столу, я отметил, что зад у нее все же великоват, а ноги коротковаты. Впрочем, крупный зад здесь за недостаток не считается, про маленькие попы говорят, что она «по насе саса», то есть «не какает». У Росио с этим физиологическим процессом должно быть все хорошо.

Ждать, к удивлению моему, пришлось действительно недолго, минут десять, не больше. Дверь кабинета распахнулась, и оттуда вышел какой-то совсем пожилой благообразный сеньор, а за его спиной, жестами приглашая меня пройти к нему, стоял адвокат Паломарес.

Офис у него был как у любого преуспевающего адвоката, то есть просторный, уставленный дорогой тяжелой мебелью под старину, с многочисленными, совершенно не потрепанными

томами законов на полках, дипломами в рамках и кубками за достижения в гольфе. Сам адвокат Паломарес убелен почтенными, хоть и довольно ранними, сединами, одет в пошитый портным костюм из тонкой шерсти, носит галстук от Маринеллы. Хоть сам он панамец, но выглядит как чистокровный испанец. Каким, наверное, и является. «Хорошие семьи» в Латинской Америке с местным населением обычно не смешивались, и если присмотреться, например, к политическим новостям любой страны, в которой не победила революция, то заметишь, что внешность политиков обычно очень сильно отличается от внешности большинства населения. Равно как и внешность богатых людей. Практически разные расы.

– Сергей! – поприветствовал он меня, протягивая руку.

Отношения у нас сложились достаточно неформальные.

– Ману! – Мы обменялись рукопожатием.

– Присаживайся, – он показал на широкий мягкий диван и сам опустился в кресло напротив. – Кофе? Чай? Воды?

– Нет, спасибо. Я сразу к делу.

В руках у меня оказался блокнот, тот, что в Америке называют legal pad, то есть большой, с перекидными желтыми листами, на одном из которых я сделал для себя выжимку из основных сведений, которые удалось добыть. По моим выводам получалось, что покупатель, может, и выгодный, но совершенно непонятный. Компания зарегистрирована на Виргинских островах, причем учредителем у нее другая компания, уже гибралтарская, а покупателем будет выступать панамская фирма, учрежденная виргинской. Источник денег пока никак не прослеживается, так что говорить о нем просто рано. У компании есть офис в Панаме, в Колоне, в свободной торговой зоне. Ну, у любого торговца наркотиками в больших объемах тоже найдется офис в этом месте. Это кратко. А за большее я пока не брался, за него уже платить нужно.

– В общем, кто угодно может быть, – выдал я удивительно конкретный вывод.

– Странно было бы ожидать другого, – хмыкнул Паломарес, дослушав меня до конца. – Возьмешься выяснить больше?

– Возмусь. Насколько больше? По бумагам или...?

«Или» в данном случае подразумевает, что можно и последить за людьми, и подслушать попытаться, и походить ногами, расспрашивая.

– Мне бы весь набор, – развеял Мануэль мои сомнения.

Странно. «Весь набор» стоит дорого, а сделка вроде как предполагается рядовая. С чего вдруг его клиент будет столько платить, если он не процветает? А Мануэлю явно хочется, чтобы сделка состоялась.

– Мы поработаем, – кивнул я. – Дело лишь за авансом и соглашением об оплате.

– У меня есть полномочия подписать.

– И заплатить? – уточнил я.

– И заплатить, деньги уже на моем счету.

Интересно. Ну ладно. Придется кататься в Колон. При мысли об этом я поморщился. Мерзее города в мире нет, наверное, каким бы его ни видели пенсионеры с круизных судов, проходящих мимо. Но Колон расположен на входе в Канал со стороны Карибского моря, и через него идет весь грузопоток.

– И вот еще что, – снова заговорил Мануэль. – Мне хотелось бы, чтобы ты взялся за безопасность всей сделки. – Он добродушно улыбнулся.

– Ману, ты ведь сильно темнишь. Что опасного в сделке по продаже торговой компании? Даже если покупатель наркотраффикант и собирается гнать порошок тоннами, он все равно не заинтересован в шуме и безобразиях, только тишина приносит деньги. Чего ты опасаться?

– Тут есть тонкости, – перебил он меня, – я тебе все объясню. Воевать не потребуется. И бизнес легальный, ты сам все увидишь, просто партнер такой. А где в Панаме других брать? Просто... я сам не знаю, но что-то мне покоя не дает, – выдал он совершенно неожиданное. –

Я бы вообще отсоветовал Пабло бизнес этим продавать, но у меня нет для этого ни единой причины, понимаешь? А у него дела совсем под гору покатались, продажа – это спасение. В общем, он готов платить. Это даже не я придумал, а он сам.

– Хм... – задумался я. – Шестое чувство со счетов сбрасывать не стоит, потому что интуиция – это что-то такое, что ты вроде бы заметил, но не обдумал. А подсознание над этим продолжает работать и тебе подсказывает, – выдал я свою личную теорию. – Ты бы подумал хорошо, что тебе там не понравилось.

– Я подумаю.

– А теперь скажи, что ты конкретно хочешь?

– Да все как обычно. Организуй встречи так, чтобы никто не прослушал, убедись, что нет наблюдения, проверь, кто приезжает с этим партнером...

– Ману, а *кто* может прослушивать?

– Да кто угодно, – улыбнулся он во все тридцать два, доброжелательно глядя в глаза. – Просто проверь, хорошо? Я на твою почту сейчас вышлю всю информацию по моему клиенту, а ты займись, хорошо?

– Давай аванс, и я начал работать.

Влезать в откровенно незаконный бизнес совсем не хочется. Даже боком. А в Панаме их три стандартных: наркотики, оружие и отмывание денег от первого и второго. И за каждым пригляд от всевозможных агентств, в поле зрения которых просто не хочется попадать. То есть если мешать вести прослушку и слежку каким-нибудь антинаркотическим «энфорсерам», то они могут обидеться на тебя персонально. И мне на самом деле хочется, чтобы тех же «наркос» прослушивали, ловили и сажали, мне вовсе не хочется им помогать.

Но на сей счет Мануэль в курсе, так что не думаю, что он бы пытался меня втравить в работу с наркотой. Не станет. Не рискнет. Но обмануть все же может, точнее – утаить информацию. Может быть и так, что у клиента есть причины быть пугливым. Просто мне он не говорит.

– Слышал про семью Гонсалеса, – неожиданно сказал он.

– Знаешь его? – насторожился я.

– Естественно. Мы оформляли ему паспорт инвестора, когда он сюда переехал. Ну и его семье, упокой Господь их души. – Мануэль быстро перекрестился. – Он через нас оформлял покупку дома, и я делал для него еще пару работ после этого.

– Вот как... – задумался я. – А ты можешь мне сказать, почему он сюда перебрался?

– Я не знаю, – адвокат развел руками. – Но даже если бы и знал, то тебе бы не сказал, вся информация попадает в разряд конфиденциальной.

– А что ты можешь сказать?

Паломарес посмотрел на меня задумчиво, потом вдруг спросил:

– Гонсалес объявил награду?

– Объявил, – подтвердил я.

– И ты взялся искать? Или Стив с Джеффом?

– Предполагаем взяться, – чуть придержал я карты. – Если решимся. Так что ты вообще можешь про него рассказать?

– Ты лучше задавай вопросы.

– Я свой уже задал. У него были проблемы в Америке?

– Я же сказал, что не знаю. – Мануэль вздохнул. – Но мне потом звонили из Майами, интересовались им.

– Закон?

– Нет. Частный сыщик. Задавал вопросы... общие, – сразу ответил он на еще не прозвучавший вопрос, – ничего конкретного, я его сразу отшил. Если хочешь, я могу отыскать его адрес, он назвался, и Росио... нет, тогда была Рита... да, Рита... Рита нашла адрес его конторы. Но больше это ни во что не вылилось.

– Я был бы очень благодарен, Ману.

Мануэль вышел из кабинета, я услышал голоса из приемной, потом заработал принтер. Когда адвокат вернулся в кабинет, он дал мне лист бумаги с отпечатанным адресом. Майами, некто Уильям Брю, адрес, телефон, электронная почта.

– Спасибо, – кивнул я. Затем спросил: – Ману, скажи, Гонсалес здесь скрывался?

– Я не знаю, – опять усмехнулся он. – Но мнение у меня есть: он от чего-то сбежал. Но закон его не разыскивал. И он не слишком опасался кого-либо. Просто почему-то вынужден был бросить все дела там и переехать сюда. Я понял из разговоров, что уже отсюда он пытался что-то там закрыть, вытащить, решить какие-то проблемы. Так бывает только тогда, когда люди уезжают в большой спешке. Больше сказать ничего не могу.

Когда я вышел из кабинета, в приемной уже ожидал невысокий коренастый человек с наголо обритым черепом и небольшой бородкой, одетый дорого и вычурно. По виду мексиканец, а род занятий так и вовсе не оставляет сомнений. Впрочем, «Паломарес и Гарсия» еще и уголовные дела ведут, так что в офисе кого угодно можно встретить, удивляться нечему.

Охранник у машины приветливо заулыбался, отодвигая барьер и приостанавливая поток машин в переулке, давая возможность моей «Прадо» выехать задом. А дальше я уже выбрался на Бия Эспанья и, влившись в поток, поехал в сторону океана. Хочу еще и домой заехать, посмотреть, что там прислал Мануэль, мне из дома потом намного удобней и ближе ехать в Оушн Клуб.

Машин на улицах было много. Я оказался за какой-то совсем древней «Тойотой», забитой пассажирами так, что я их даже по головам не мог пересчитать, и при этом дымившей настолько немилосердно, что пришлось включить кондиционер на рециркуляцию. Небо понежну затягивало тучами, но лучше на улице от этого не стало, надвигался ежедневный ливень, перед которым духота была обычно такая, что самому дождю уже как ребенок радуешься. И когда выехал на Авенида Бальбоа, на город обрушился дождь, потоком, водопадом, словно где-то наверху прорвало сразу все трубы. Людей с улиц как метлой смело, по ветровым стеклам машин заматались дворники. Серая поверхность показавшегося океана покрылась частой бегущей рябью, стоявшие на дальнем рейде суда скрылись за серой занавесью ливня.

Громада башни Дестини надвинулась, когда я свернул с дороги, поднялись ворота гаража, пропуская машину внутрь.

Роситы дома не было, но в телефоне я обнаружил сообщение: «Папи, я в спортзале». Не услышал, как оно пришло, за шумом дождя в машине. Ну да, у нее как раз спенинг. Ладно, у меня пока своих дел хватает. Потом Гонсалес, а уже после него, если получится, можем куда-нибудь выбраться.

Быстро переодевшись, забрался на велотренажер, включил компьютер.

Сначала через «скайп» набрал номер частного детектива из Майами, но никто не ответил. Тогда быстро написал письмо по указанному адресу, попросив связаться со мной. Аргументировал тем, что мне известно о том, что Уильям Брю искал Гонсалеса и сейчас у меня, возможно, есть полезная информация. Может, и ответит, а может, и нет. Ищут обычно ровно настолько, насколько клиент платит.

Так, теперь о новых клиентах. Мануэль прислал довольно много всего, но ничего особо интересного я не нашел. Компания по перепродаже запчастей существует лет десять уже, в истории никакие не влипаля. Глава вроде бы добропорядочный гражданин. Вроде нормально, но перевалка грузов здесь – самое классическое прикрытие для экспорта кокаина. Хоть при этом Ману уверяет, что наркотиков в деле нет. Второй участник сделки неизвестно кто. Ману, опять же, говорит, что чего-то опасается. Надо встречаться с клиентом, и надо проехать в Колон.

Глава 7

Росита пришла примерно через час, одетая в розовый топ и черные «корсариос», волосы стянуты розовой же резинкой, заглянула в кабинет, сразу доложив о том, что с кем-то пила кофе. Она вообще всегда говорит, куда пошла, с кем и почему, хотя я ни разу за время нашего знакомства ни о чем ее не спрашивал. Боится, что буду ревновать? Черт его знает. Может, и буду. Но, скорее всего, нет. Иногда я вообще немного жалею о том, что наше знакомство состоялось. А она, докладывая, пытается, как мне кажется, создать себе самой иллюзию полноценной семейной жизни.

– Мы куда-нибудь пойдем сегодня? – спросила она уже на выходе из кабинета.

– Я пока не знаю, у меня еще одна встреча... скоро, – глянул я на часы. – Надеюсь, что это ненадолго, тогда мы сможем сходить. В «Лас-Боведас»?

Она любит это место на мысу, в чистой части Старого города. По крайней мере, мне кажется, что любит.

– Отлично! – явно обрадовалась она.

А еще Росита явно старается мне угодить во всем, со всем соглашается и вроде как всему рада. Такое впечатление, что, если бы я предложил ее побить, она с такой же радостью согласилась бы. А может, и вправду согласилась, по крайней мере, с моей стороны это был бы знак внимания какого-то. Черт, запутался я в этих наших странных отношениях.

Росита ушла в спальню, закрыв за собой дверь, включила музыку, опять же негромко, чтобы мне не мешать. Реггетон, разумеется, она больше ничего и не слушает. И наверняка танцует, она все время танцует. Или пританцовывает.

Все, пора. Быстро заскочил под душ, переоделся, привычно прицепил кобуру к ремню и спустился в гараж. Путь до Пунта Пасифика – мыса с самыми дорогими небоскребами – совсем недалек, так что на месте я был уже через несколько минут. По дороге дозвонился Джеффу:

– Где встречаемся?

– У него в сюите, поднимайся.

В дверце у меня всегда лежал блокнот с карандашом, так что я быстро и коряво записал номер.

Здание Оушн Клуб, похожее на надутый ветром парус, видно издалека, почти что с любой точки берега. Пунта Пасифика – мыс, а этот небоскреб еще и на самом видном его месте находится, при всем желании не потеряешься. Пристроил машину на улице, мест хватало, попутно заметив белый «Сабёрбен» Джеффа – машину он себе под стать взял, если по размерам судить.

Холл отеля был огромен и роскошен. Как и лифт, привычно вызвавший краткий приступ невесомости. Коридор с толстым мягким ковром, полумрак, массивная дверь, открывшаяся после стука, и неожиданно большой и просторный номер за ней, а дальше океан за стеклянными стенами. Дверь открыл Дарко, сейчас даже не прятавший кобуру, висющую на поясе. Стив и Джефф уже сидели в комнате.

Гонсалес был довольно высоким, крупным, с длинноватыми выющимися волосами, причем он явно закрашивал седину. Раньше явно был атлетом, а сейчас оплыл, и лицом, и телом. Глаза красные, под ними мешки. Запах спиртного. На столе открытая бутылка «Джеймсона», бокалы, ведро со льдом. И пистолет, двухцветный Sig-Sauer.

Рукопожатие у него крепкое, а ладонь влажная. Затем он, не говоря ни слова, указал мне на кресло.

– Вот фото девочки, – Стив вытащил из портфеля пачку фотографий. – Просмотри и мне отдай. Я пришлю тебе сканы.

– Хорошо.

Лет тринадцать с виду. Похожа на папу, но папу в молодости, наверное, так что лицо симпатичное. На одном снимке стоит с другими девочками в униформе «Кингз Колледж», видно, что высокая, выше подружек. Ни на одном из снимков не улыбается, что странно. А где с подружками стоит, там еще и нижняя губа закушена. Злое какое-то лицо, если честно, такое первое впечатление.

– Полиция изъяла записи с камер в воротах, что они там успели найти или не найти – не знаем, – заговорил Стив, обращаясь к Гонсалесу и явно продолжая прерванный при моем появлении разговор. – Сотрудничать с нами они не будут, это точно. Ты что-то сможешь узнать? – Стив повернулся ко мне.

– Возможно. Завтра будет ясно.

– Дом опечатан, доступа туда нет. – Стив снова обратился к Гонсалесу.

– Я с утра дам вам доступ. – Гонсалес исподлобья посмотрел на него, затем его глаза перескочили на бутылку. – Поедете со мной, и я сам сорву ленты. Мне плевать, кто там что скажет.

– По идее, полиция должна была там уже все закончить, так что мы не помешаем, – кивнул Стив.

Несколько вопросов о том, о чем мы и так знали. Стив задал их просто так, для проверки. Гонсалес заподозрил слежку за два дня до того, как произошло убийство. Не сам, это Дарко заметил, все же бывший полицейский. На следующий день мы вступили в работу, а потом случилось то, что случилось.

– Кто-то новый в последнее время возле вашей семьи появлялся? – перевернув лист блокнота, задал очередной вопрос Стив.

– Новый? – чуть нахмурился Гонсалес, вроде как не поняв смысла вопроса.

– Да, новый. Рядом с дочерью, женой, сыном, вами самим. Новый партнер, новый тренер, новый... кто угодно.

Гонсалес задумался, глядя в окно на океан. Потом, кивнув каким-то своим мыслям, сказал:

– У дочери появился тьютор по... не знаю как правильно назвать... компьютерным знаниям. Японская девочка, не больше, как мне кажется, восемнадцати лет, зовут... сейчас, минуту. – Гонсалес встал, отошел к стоящему у стены бюро, открыл свой портфель, откуда извлек ежедневник в обложке из дорогой кожи. Полистав его, он ткнул пальцем в какую-то страницу и обернулся к нам: – Ее зовут Сатори. Фамилию не знаю. Или это и есть фамилия?

– Не могу сказать, – покачал головой Стив, записывая. – Откуда она взялась?

– Из школы, как мне кажется. Я не интересовался. Даже не видел ее ни разу, она всегда приходила днем, когда я был в офисе.

Гонсалес инвестировал в землю, это я знал. Скупал участки земли у фермеров и у кого попало и пытался перепродавать их под застройку. С помощью Паломареса, как оказалось.

– Часто приходила?

– Не знаю. – Он тяжело уселся обратно в кресло, потянулся к виски, но передумал и налил себе минеральной. – Несколько раз.

– Почему вашей дочери потребовался тьютор? – задал следующий вопрос Стив. – У нее были проблемы с предметом или что?

– Не знаю, школа – этим всегда занималась Джоанн. – Гонсалес жадно выпил воду, отер губы пальцами. – Вроде бы нет, Луис чем-то увлеклась, и так появилась эта Сатори.

– Мистер Гонсалес, – вступил в разговор до сего момента молчавший Джефф, – почему вы переехали в Панаму?

Гонсалес замер, причем заметно разозлился. Потом сказал резко:

– Мне не хотелось бы это обсуждать. Это не имеет отношения к убийству моей семьи.

– Вас пытались здесь отыскать, насколько я знаю, люди из Майами. Почему? – влез уже я.

– У меня были проблемы там... делового характера, – повернулся он ко мне и ответил, глядя в глаза: – Но те люди, с которыми у меня были проблемы, не имеют привычки убивать. И не нанимают убийц. У них совсем другие привычки и совсем другие методы.

– Вы уехали из-за этих проблем?

– Да, из-за этих, – ответил он, продолжая смотреть мне в глаза и подчеркивая каждое слово. А тут я ему не поверил. Совсем.

В общем, добились мы от него немного. Гонсалес разве что подтвердил готовность оплачивать все расходы и выплатить премию за результат. И все. А так выходило, что он даже толком не знал, что делается у него дома, всем этим заправляла Джоанн Гонсалес, его жена. В общем, у особо деловых людей такое сплошь и рядом случается. Помог он мало, в общем. Когда мы от него вышли, я еще раз попробовал набрать номер частного детектива в Майами, но опять никто не откликнулся. Затем рассказал о том, что успел узнать, Стиву и Джеффу, когда мы стояли у машин, а потом мы разъехались, договорившись встретиться с утра у дома Гонсалеса.

Из машины дозвонился Росите:

– Мы закончили на сегодня. Хочешь в «Лас-Боведас»?

– О, папи!

– Тогда собирайся, я скоро буду. – И быстро отыскал номер ресторана, столик бронировать.

Каждый раз, когда я говорю ей «собирайся», мне хочется добавить: «и как-то соизмеряй свое желание быть красивой с реальностью и здравым смыслом». Но никогда не говорю. Это не Европа, это Панама, а сама Росита из Колумбии, из Картахены, и одевается так, как должна выглядеть тамошняя красавица, картахенская. А это значит, что приветствуется абсолютно все – белое, золотое, леопардовое и, разумеется, розовое. А еще Росита любит шопинг и покупает много платьев. Как раз упомянутых цветов.

Ладно, я ей не... А кто я ей вообще? Кто-то. Не знаю кто. Ладно, нашел чем грузиться.

Когда приехал домой, она и вправду была готова – белое короткое платье в обтяжку, золотой пояс, такая же сумочка, серьги кольцами, волосы стянуты в тугий хвост. Глаз не отвести, при всем желании, хотя бы из-за цветовой гаммы зажмуриться впору. Она красила губы, склонившись к зеркалу у выхода, при этом лежащий на тумбе «айфон» непрерывно позвякивал входящими сообщениями – Росита с утра и до вечера переписывалась со всеми подругами, и, что удивительно, им всегда было что сказать друг другу.

– Готова?

– Как я выгляжу?

Раскинув руки в стороны, Росита повернулась на мысках.

– Великолепно, гуарра.

Ярко. Знойно. Смуглость кожа подчеркнута белым платьем. И деревня деревней.

– Пошли?

Я бросил на комод свою сумку, все равно с делами на сегодня закончил.

– Пошли. – Она просунула свою руку мне под локоть, а я попутно скосил глаза на длинные перламутровые ногти с блестками – верх элегантности.

– Новые?

– Тебе нравится? – прямо засветилась она.

– Очень! – решительно кивнул я, пропуская ее вперед, в гостеприимно распахнувшееся нутро лифта.

Машину брать не стали, консьерж вызвал такси. В Старом городе припарковаться нереально, да и пить я собираюсь. Хотя на этот счет особой бдительности полиция не проявляет, но лучше не рисковать. Подождали под козырьком подъезда, пока не подкатила желтая машина,

забрались на тесное заднее сиденье, при этом у Роситы платье полезло вверх, чуть не до пояса. Захлопнулась дверца, Росита почти сразу схватила меня за руку.

Ехать было совсем недалеко, можно было бы пешком дотопать, если бы в ту сторону вела обычная улица, а не трасса с развязками. Запахло рыбой со стороны «меркадо де марискос», куда разгружались рыболовные суда, замелькали сперва обшарпанные, а затем реставрированные дома Старого города.

Он вообще красив, этот самый панамский Старый город, застроенный в том самом колониальном испанском стиле, знакомом нам по кино и книгам. Двух- или трехэтажные дома с террасами и балконами, церкви, украшенные лепниной, здесь же президентский дворец. Старый город, понятное дело, место паломничества всех туристов. Днем на набережных торгуют сувенирами, играет музыка, много баров и ресторанов. А заодно театры, музеи, президентский дворец – все как подобает. Но это южнее примерно 12-й Восточной. А уже к северу от нее картина меняется – там дома никто не реставрировал примерно с тех пор, как их выстроили. Соответственно, в большинстве из них жить можно лишь с трудом, но живут, и многие.

Граффити, развалины, вонь, множество наркоманов, преимущественно черное население, превратившее эту часть города в гетто. Полиция там гулять уже никому не рекомендует. Множество уличных банд и просто шпаны. Наркоманы, крикливо и нагло выпрашивающие на дозу. Разбитые тротуары, осыпавшаяся штукатурка, разруха. Но это там, к северу, пусть до него отсюда и рукой подать, всего несколько сот метров. А здесь уже по-другому.

Таксист, высадивший нас на самой набережной, на Плаза де Франсия – симпатичной маленькой площади с каким-то монументом посередине, значение которого я так и не удосужился выяснить, обрадовался чаевым, много раз повторил «грасиас, сеньор», оскалив в улыбке прокуренные желтые зубы.

Ресторан размещался в старом форте, точнее – в тюрьме, потому что три сотни лет форт использовался только в этом качестве. Тяжелая дверь из толстых досок, окованных железом, сводчатые потолки, старинные мушкеты на стенах. Простая мебель, белые скатерти на столах. Метрдотель заулыбался, провел нас к столику, услужливо отодвинул стулья и положил меню, заодно отказавшись принять заказ на напитки – не царское дело, это уже официант подойдет.

Кормили здесь всем морским, причем готовили очень вкусно, эдак во французском стиле. Поэтому мы просто попросили «ле плато дю мер» – огромный двухъярусный поднос, засыпанный колотым льдом с выложенными поверх него морепродуктами разных видов, и белое вино. Больше ничего и не нужно.

В углу, на меленькой сцене, играл гитарист. Щуплый, немолодой, темный, усатый, в потрепанной соломенной шляпе с загнутыми полями. Хорошо играл, просто на удивление хорошо. Зал был почти заполнен, люди говорили, звякали тарелки и приборы.

Я посмотрел на Роситу. Точно знаю, что она бы предпочла пойти потанцевать, в клуб, и желательно до утра, но со мной не пойдешь – я не танцую и возраст совсем не клубный. И до утра мне тяжело, опять же, возраст не тот и дел полно. Выбирался с ней пару раз на Кайе Уругвай – место, где полно танцевальных клубов, и там сидел в баре, нянча коктейль, пока Росита с подружкой отрывалась на танцполе. Забавно, что при этом отвергая поползновения всех кавалеров. Демонстративно.

Тяжело мне с ней. Она старается сделать так, чтобы все было легко, а не получается. Да, на нее смотрят, и не только потому, что она вся в белом и золотом, при всем желании не пропустишь – тут половина женщин так старается или мечтает одеться. А просто потому, что сам всегда с иронией смотрел на «папиков» с молодыми моделями. Видишь такого, гордого собой, и хочешь ему сказать: «Дурила, ты что, вправду кажешься себе таким неотразимым? Настолько, что молодая красивая девка не нашла больше никого, кроме тебя? Да нужен ты ей сто лет!»

А сейчас хочется сказать то же самое себе самому. Здесь много иностранцев европейского вида с молодыми колумбийками. Да, да, везде колумбийки. И для этих самых колумбиек такая компания тоже некий показатель успеха. Но все равно никто не сомневается в том, что видит: какой-нибудь обгоревший под местным солнцем до красноты англичанин, оставив на туманных британских берегах некрасивую жену с веснушчатými детьми, дорвался до молодой и смуглой колумбийской плоти. И с Роситой я выгляжу именно так.

Или на самом деле плевать, как я выгляжу? Жить, как живется, и не заморачиваться?

Почему-то обратил внимание на ее руки. У большинства латиноамериканок с не слишком большой примесью индейской крови, даже если они растолстели, руки все равно хорошие, с тонкими запястьями, тонкими пальцами. А у Роситы вообще великолепные, пропорциональные, с длинными пальцами... и эти дикие акриловые ногти. Но красиво, наверное. В Картахене.

Росита выкладывала между тем, чем занималась днем. А чем? Да как обычно: выпалась, пробежалась по магазинам, сходила в спортзал. Завтра опять будет работать в клубе. Клуб – тоже отдельная история. Она не столько зарабатывает в нем – я открыл ей счет и слежу за тем, чтобы он не пустел, – сколько убивает время. Мы не так много общаемся, меня или нет дома, или я занят своими делами. Мне с ней вроде бы и хорошо, но на самом деле не о чем даже разговаривать. Поэтому обычно болтает она, а я просто киваю и что-то переспрашиваю, демонстрируя интерес. В общем, в клубе она потому, что больше делать нечего, иначе ей будет скучно. А там подруги, там есть о чем поговорить.

Ладно, пусть все идет, как идет.

Глава 8

В девять утра я подъехал к дому Гонсалеса. «Эскалэйд» хозяина стоял на подъездной дорожке, рядом с «Сабёрбеном» Джеффа. Когда они были со Стивом вместе, водил всегда Джефф. Опять я позже всех. Дарко стоял у машины, мрачный, сосредоточенный, оглядывающийся по сторонам.

– Пошли, – сказал поздоровавшийся кивком Гонсалес и направился к входной двери, перекрещенной желтыми полицейскими лентами.

Ни секунды не раздумывая, он рванул ленты с косяка, обрывая, смял их в ком и просто бросил под ноги. Звякнул ключ, щелкнул замок.

Дом был большим и дорогим, с порога не ошибешься. Просторно, дорогая современная мебель, дизайнерский декор – все на месте.

– Смотрите, где хотите, – сказал Гонсалес, усаживаясь на диван в гостиной. – Спрашивайте, если нужно. Я... не могу.

В доме никто не дрался, все стоит на своих местах, ничего не разбито. Местами гладкие поверхности присыпаны разноцветными порошками, снимали отпечатки пальцев. Комната Луис – пропавшей девочки – удивила чистотой и неестественной для такого возраста опрятностью. Заправленная кровать, все лежит на своих местах.

– Компьютера не хватает, – сразу сказал Стив.

– Откуда ты знаешь? – обернулся к нему Джефф.

– Потому что у всех детей есть компьютеры. Если у родителей есть хоть какие-то деньги. А на столе ничего.

Действительно, прижавшийся к окну письменный стол был пуст. Какие-то бумаги, диски с играми, календарь на стене – а компьютера нет.

– Кстати, у телевизора нет приставки, – обратил внимание уже я.

– И это странно, – поднял отсутствующую бровь Стив. – Такого я пока тоже не видел.

– Могла играть, если вообще играла, на компьютере, – сказал Джефф. – Вон, на полке еще игры, все для РС. Для приставок ничего нет.

– Хм, верно. А компьютер, к слову, могли изъять вместе с уликами. Обратись к Висенте, пусть проверит. – Это уже мне.

Одежда в шкафу аккуратно развешана, в выдвижных ящиках комода так же аккуратно сложена.

Комната Джейми, убитого брата Луис, была полной противоположностью: плакаты на стенах, фотографии, все разбросано, под кроватью обнаружился настоящий склад грязных носков. Компьютера тоже нет, но есть даже две приставки – нормальный был ребенок. Родительская спальня была убрана и застелена, на пуфике у туалетного столика лежал купальный халат. Тоже везде порошок, а заодно зарождающаяся уверенность в том, что ничего не найдем. Полиция работала всерьез, забрали все. Да, Гонсалес сказал, что ноутбуки были и у детей, и у жены, но в доме их не было.

Гараж был просторным, на три машины, но стояла только одна – кроссовер «Лексус», принадлежавший жене Гонсалеса. Чистый пол из серой плитки, белые стены. Дверь заблокирована изнутри.

В подвал мы спустились в последнюю очередь. Он был большой, на весь дом, просто сильно заглубленный фундамент, отделан, как жилое помещение. В нем была большая кладовая, игровая комната со столом для пула и барной стойкой и в самом конце – винный погреб. И в погребе их и убили. Кровь, загустевшая и превратившаяся в липкое желе, так и была на полу. И ее запах висел в воздухе.

Свет почему-то не работал, пришлось светить фонариками, благо никто из нас без них из дому не выходит. В какой-то момент я почувствовал, как по спине словно пригоршней льда провели, а откуда-то заметно потянуло холодом. Резким таким, словно холодильник открыли рядом.

– Чувствуете? – спросил я, насторожившись.

– Что? – обернулись ко мне Джефф со Стивом.

– Холодом тянет, как сквозняком.

Стив только хмыкнул. Потом Джефф сказал:

– Я ничего не чувствую.

А я чувствую. По-настоящему чувствую, потому что тянет так сильно и явно, что ошибиться невозможно и «померещилось» не скажешь.

– Нет, ничего, – затем сказал и Стив. – Ты не простудился? Знобит, может?

– Не знаю. Может, устал, – закрыл я тему, так и оставшись в твердой уверенности в том, что холодом в этом подвале тянуло. Холодом и чем-то плохим, может, даже самой смертью.

Когда закончили в доме и вышли на улицу, на жару, все равно ощущение холода где-то в позвоночнике осталось.

– Я поеду в школу, попробую что-нибудь выяснить об этой японке, – сказал Стив. – Довезешь меня до машины?

– Без проблем, – кивнул Джефф.

– Висенте. – Стив повернулся ко мне: – Нужна копия списка того, что взяли из дома. И что вообще обнаружили.

– Я попытаюсь, – кивнул я. – Но сейчас мне надо в Колон скататься, вернусь к вечеру.

– В Колон? – удивился он. – Что ты забыл на этой помойке?

– Другая работа.

– А... хорошо, – кивнул он. – Но с Висенте свяжись, пожалуйста, это важно.

– Я понимаю.

Связался. Сообщением, как обычно, Висенте со службы по телефону со мной не общался, только так, с планшета, который, к слову, я ему когда-то и подарил.

Вообще, в Панаме дела по телефону не делаются, это пустая трата времени. Люди предпочитают видеть друг друга, демонстрировать уважение и требовать такого же к себе. Надо приходить в офисы, надо приглашать на ланч и обед, надо встречаться. Мой полицейский контакт предпочитал электронную форму общения лишь потому, что она привлекала меньше внимания к его побочному бизнесу, а так бы я тоже за каждой мелочью к нему ездил.

Ответ пришел быстро: «500».

«Ок» – ушло от меня.

«Свяжусь».

С Висенте я познакомился не случайно, специально искал подходы. Он один из немногих людей, кто может получить доступ почти к любой информации о почти любом расследовании и при этом не привлечь излишнего внимания. Хоть к базе автомобильных номеров, хоть к адресной книге, хоть к материалам дела, с тех пор как картонные папки заменили на электронные файлы по американскому примеру.

Затем я снова набрал номер в Майами. Нет ответа. По-прежнему нет. Ладно, этим тоже надо будет заняться как-то посерьезней. Мне кажется, что этот частный сыщик мог знать, что заставило Гонсалеса переехать. И что бы он ни говорил, но я не верю в то, что его почти бегство и это убийство никак не связаны. Вот не верю – и все тут.

Куда он делся, этот Брю? И на письмо, высланное на его электронную почту, никто не ответил. Кстати, не ответил?

Зашел в Интернет, глянул в почту – нет, пусто, никаких писем. Жаль. Ладно, пока ехать надо.

Доехал до Авенида Синкуентенарио, почему-то довольно свободной сейчас, по ней, направившись в сторону холмов, пересек деловую часть города, оказавшись в бесконечной застройке маленьких одноэтажных домов, становившихся все беднее и беднее, и когда эти самые дома полезли на холмы, они превратились в трущобы. Почти настоящие, потому что действительно настоящие, застроенные без всякого плана и разрешений, из подручного материала, здесь тоже были – самые натуральные «бидонвилли», но их я сейчас не проезжал.

Ближе к Корредор Норте, местной кольцевой, потянулась новая торговая и индустриальная зона, а затем уже кольцевая, проскочив мимо новеньких, с иголки, девелопментов для людей с деньгами, увела меня на Аутописта Альберто Мотта – шоссе, соединяющее столицу – самый большой город Тихоокеанского побережья и Колон – самый большой город Карибского побережья. И между этими самыми городами и протянулся Панамский канал – главное достояние и, пожалуй что, спасение этой маленькой экваториальной страны. По крайней мере, из-за Канала американцы постоянно приглядывали за ней и не дали по местной традиции превратить ее в политический бардак, череду бесконечных революций и гражданских войн со множеством жертв.

Ехать до Колона было недалеко, чуть больше шестидесяти километров, а скорость по четырехполосной бетонке удавалось держать примерно под сотню. Сразу за пределами города дорога полезла в горы, пусть и невысокие, мелькнули городки вроде Чилибре, Мария-Эухения и даже Буэнос-Айрес, по мосту проскочили над мутной Рио-Чахрес. Джунгли мешались с глинистыми склонами и плантациями авокадо, временами виднелись фермы и просто скопления обшарпанных, потемневших под бесконечными дождями домиков, по дороге катили старенькие пикапы, груженные выше всяких приличий, большие грузовики.

У Верхней Санта-Риты шоссе слилось с Транзитной дорогой, по которой тоже можно было ехать, она шире и новее, но и машин на ней куда больше, поэтому я всегда предпочитаю старую. Городки становились все беднее и грязнее, мы въехали в карибскую, негритянскую, часть страны. Множество скучающих бездельников у заборов, куда-то торопливо идущие женщины, чаще с детьми, множество бездомных собак. Грязноватый рынок у торгового центра «Рей» в Сабанитасе, там же «Макдоналдс» с детской игровой площадкой, стоянка, забитая большими грузовиками, потрепанные легковушки, все больше белые, как обычно.

Ближе к Колону показались панельные четырехэтажки эдакого тропически-хрущевского вида, уже откровенные трущобы, да и сам приближавшийся город в большей своей части трущобой и был, за исключением разве что зоны свободной торговли. Затем снова маленькие дома-сарай с разноцветными крышами, с немощеными улицами из мокрой красной глины – асфальт был только на шоссе. Правда, местами наблюдались следы давних потуг замостить что-то еще, но потуги были явно неактивными. А потом вдруг на фоне трущоб проскочило новенькое и сияющее здание Дворца правосудия, все такое с голубыми стеклами и на холме, и еще к нему вела грязная разбитая дорога. И тут же пошла гигантская промзона, застроенная огромными складами. Очень, очень большая промзона, откуда шла перевалка великого количества груза, который приносили ко входу в Канал суда со всего мира.

Снова торговые центры, «макдоналдсы» и «сабвеи», какие-то довольно приличные жилые районы, стадион – только эту часть города я еще как-то терпел. Пусть и почти промзона, и порт рядом, но все не такая жуть, как «исторический центр». Затем тот самый «исторический центр», обшарпанный и грязный, все же прижался к порту, навалился на дорогу. Самые первые дома были еще как-то покрашены, а дальше начался тихий ужас. А присмотришься, так ведь должно даже красиво быть: штукатурка и крыши сплошь разного цвета, террасы по каждому этажу, легкие колонны – самая, что ни на есть, тропическая красота. Лимонный залив, как раз на входе в Канал, был забит судами, солнце висело над водой, расцветивая ее бликами, кричали чайки, кучки каких-то бездельников сидели у воды.

Дорога вывела меня на прибрежную Авенида Боливар, по которой я доехал до основного ориентира – пассажирской станции, идущей вдоль Канала железной дороги, а дальше уже и въезд в порт нашелся. Там, на стоянке, машину пришлось бросить и топать по духоте пешком.

Порт, понятное дело, делил имя первооткрывателя с самим городом: порт звался Кристобаль, ну а город, понятное дело, Колон. Именно так, Кристобаль Колон, звали на самом деле того мореплавателя, которого мы именуем Христофором Колумбом. Сейчас это был, как и любой другой порт, в основном контейнерный терминал, шумный, пыльный, со стенами разноцветных контейнеров. На меня никто внимания не обращал и остановить не пытался, и через несколько минут прогулки по порту я увидел перед собой несколько больших ангаров с надписью «Хоупз Ярд». Так, по карте это уже судоремонтный завод, а то, что я ищу, должно быть ближе.

Огляделся. Ну да, точно, вон серебристый новый ангар с вывеской «Запчасти. Молина». Что там может быть такого особого? Подошел ближе, оглядел – ангар практически на причале, наверное, даже может принимать груз с борта судна, если судно туда кто-то подгонит. Но никто подгонять не даст, в порту все под присмотром. Что еще? Ну то, что таких складов в порту совсем немного. Ага, они еще пополам делят здание с кем-то, кто чинит судовые дизели. Скорее всего починщики дизелей когда-то аренду не потянули и продали часть склада компании сеньора Молины. Надо будет у него самого уточнить, телефон у меня есть.

А так... ну дорога для грузовиков, пандус для разгрузки, подъемные ворота... вон еще ворота, в которые грузовик свободно заедет. Ладно, надо бы внутрь заглянуть. Выудил из сумки телефон, нашел «Хосе Молина», набрал номер. Чуть сипловатый мужской голос ответил сразу.

– Сеньор Молина? – уточнил я. – Меня зовут Серхио Руднев, адвокат Паломарес нанял меня для того, чтобы я вам помог.

– Да, я знаю. Чем могу служить?

Я быстро изложил, чем именно, по моему мнению, сеньор Молина мог мне поспособствовать. Раздумывать долго он не стал, сказал лишь:

– Я сейчас им позвоню.

В складе я ничего интересного и криминального не нашел. Полки под самый потолок, ящики, запах консервационной смазки, жужжащий электрокар. Склад большой, куда больше, чем поначалу показался. Довольно большой офис отгорожен в углу, и еще один такой же на втором этаже. Заведовал складом китаец, сеньор Чанг – маленький, худой, в очках без оправы, легко отвечающий без всяких раздумий на любой вопрос. Молина, как и обещал, ему позвонил, перед тем как я вошел.

Мысли о том, что через это место идут или будут идти наркотики, почти испарились. Просто потому, что хуже места для этого нет, здесь все под присмотром, а портовая полиция может даже обзирать этот склад из окон своего участка. Нет, так порошок не переправляют, слишком неудобно. И даже если лодка пристанет к складу, сразу подозрения вызовет. Несмотря на природную панамскую лень, полиция все же действительно пытается бороться с потоком наркотиков, идущих через страну.

Поговорил с Чангом, между делом узнал, что тот удивлен тем, что место хотят купить. Сказал, что бизнес идет вяло, да и на самом деле место не такое уж удобное, на снижении стоимости перегрузки почти ничего не экономится. Еще он сказал, что покупатели здесь были, он сам с ними встречался.

– Давно?

– Дней десять назад.

– Хм, сеньор Чанг... – задумался я, – скажите, а они в камеры ваши попали?

– Да, конечно.

– А сколько времени вы храните записи?

Коротко усмехнувшись, китаец кивнул, затем сказал:

- Я сейчас вам скопирую запись. Хотите пока чего-нибудь?
- Если только воды.

Он снова кивнул, подошел к автомату с напитками, сунул какой-то ключ, ткнул кнопку и выудил из металлического чрева пластиковую бутылку минералки.

- Спасибо. – Я с треском свернул пробку с горлышка.
- Сейчас все сделаю.

Справился Чанг быстро, я еще и воду не допил, как он вернул мне мою флешку, сказав:

- Все здесь, с разных камер. Где-то очень хорошо видно.
- Они сюда пешком пришли?
- Нет, их машину пропустили, она там тоже есть. А так все их координаты у вас есть?
- Да, мне все передали.

На этом мой визит и закончился, собственно говоря, больше там смотреть было нечего, надо возвращаться в столицу. И ничего такого вроде в этом складе нет. Но и таких складов в Колоне ты почти не найдешь, подавляющее большинство их переехало в большую промзону, примыкающую к новому контейнерному терминалу. И найти там площади не проблема, но покупатель зачем-то хочет сюда, именно сюда. И если честно, это кажется подозрительным.

Глава 9

Сообщение от Висенте пришло ровно в тот момент, как я вошел в квартиру. В сумке блыкнуло, я вытащил телефон, прочитал:

«Все переслал почтой. Жду 500».

Тут же звякнуло еще раз, на этот раз планшет просигнализировал:

«Спасибо. Высылаю».

Сразу, чтобы не заставлять нужного человека мучиться и страдать, прошел в кабинет, сел за стол, включив компьютер. Затем, открыв свой счет PayPal, отправил пять сотен «за покупку на eBay». Затем снова натыкал сообщение для получателя денег:

«Все ушло».

«ОК».

Вот и все.

Роситы дома не было, была от нее записка на моем столе: «Ушла по магазинам и оттуда сразу на работу. Папи, люблю, Росита».

Понял, спасибо.

Так, ладно, даешь здоровый образ жизни, мне еще с видео из Колона разбираться, так что переодеваюсь – и на велотренажер, педали крутить и калории гонять.

Лист вещдоков, который переслал мне Висенте, сразу показал, что лэптоп Луис в нем не значился. Изъяли два компьютера, из родительской спальни, принадлежавший Джоанн Гонсалес, и из комнаты убитого сына. То есть компьютер девочки исчез вместе с ней.

Были фотографии из дела. Два тела, лежащие ничком на покрытом плиткой полу, у каждого под головой ярко-красная в свете вспышки лужа крови. Были гильзы, четыре штуки. Убийцы без труда могли бы их забрать, но делать это почему-то не стали. Выбросят ствол? Скорее всего.

По результатам баллистической экспертизы ясно, что ствол до этого себя нигде не проявлял. В Панаме, в смысле. Патроны использовались «Фьюкки», с девяностограновой «пустоголовой» пулей ХТР – extreme terminal performance, т. е. «экстремальной поражающей способностью». В общем, довольно распространенные в продаже, в том числе и здесь, в Панаме.

И женщина, и мальчик убиты первыми выстрелами, второй был именно «контролем», получается. Чтобы наверняка. Вот, в сущности, и все о самой стрельбе.

Нечто интересное было извлечено из записей на въезде в Коста-дель-Эсте. Джоанн Гонсалес забирала дочь и сына из школы, но с ними в машине был кто-то еще. Слева сзади, за водительским сиденьем, туда камера заглянуть не могла, но все же в объектив попало чье-то колено, обтянутое светлыми брюками. Из-за спинки сидений выглядывало. Видео не было, был снимок, на котором хорошо видна Джоанн, улыбающаяся охраннику, и ее сын, сидящий на переднем сиденье. Луис устроилась на заднем, видны только часть лица и плечо. И это колено рядом. Сатори?

Очень может быть. Если она тьютор, то могла как раз появиться из школы. Работает там, например. И жена Гонсалеса, забрав детей, заодно прихватила и ее. Так, в материалах японка не упоминается, охранник ничего не помнит, не вглядывался. С его слов, сеньора Гонсалес каждый день увозит детей и привозит их обратно, так что он даже не может вспомнить точно, когда и что было.

Схватив телефон, набрал Стива, который ответил после трех гудков.

– Это я. Есть информация по этой самой Сатори?

– Никто в школе о ней не слышал, – сразу ответил он и тут же спросил: – Есть что от твоего контакта?

– Есть, пересылаю тебе. Кто-то приехал с семьей Гонсалес на их машине, когда Джоанн забрала детей из школы. Есть на видео, там в файле будет снимок.

– Понял, посмотрю.

– Хоть что-то новое есть?

– Я соседей опрашивал. Видели как-то молодую азиатку в компании с дочерью Гонсалеса, но не запомнили примет. К тому же для них азиатки на одно лицо.

Ну да, это понятно. Для меня тоже, собственно говоря.

– Что там за звук? И что ты сопишь? – спросил вдруг Стив.

– Я на велотренажере. – Я глянул на счетчик калорий. Выходило, что еще крутить и крутить до нормы.

– Да, я забыл, ты рассказывал. Самому так попробовать, что ли?

Стиву не помешало бы, вообще-то, сала на немросло немало.

– Попробуй. Что еще есть из школы?

– Луис в школе не любили. Подруг у нее почти не было, все сторонились.

– Почему?

Как-то не удивился. После того как посмотрел ее фото и комнату, в которой словно не девочка-подросток жила, а прусский фельдфебель.

– Говорят, что злая. – Стив как-то с сомнением хмыкнул. – Говорят, что делала пакости.

– Ты сказал «почти».

– Да, сказал. Есть одна подружка, но она в отъезде с родителями, вернется дня через два. Хочу с ней встретиться. Больше пока ничего интересного не узнал. Высылай файл.

– Высылаю.

Все. Теперь запись, что мне сделал Чанг. Сначала выяснилось, что этот формат видео мой компьютер не поддерживает, пришлось искать кодек. Нашел, установил, начал запускать ролики один за другим.

Трое приезжало. На серебристом «Mercedes GL», женщина и двое мужчин. Все молодые, тридцать, не больше, хорошо, если по съемкам судить, одеты. Ну, со вкусом, по крайней мере. Женщина явно за главную. Качество изображения так себе, но все же разглядеть ее можно. Хорошая фигура, хорошая осанка, хорошая походка. Волосы темные, до плеч, лицо чуть скуластое, но именно чуть-чуть, ни капли ее не портит, очки, как принято и модно сейчас, в прямоугольной оправе. В руках небольшой и явно дорогой портфель. Держится уверенно. Звук на камеры не пишется, видно только, как она с Чангом ходит по складу, что-то спрашивает.

Один из мужчин при ней вроде как за советника или адвоката, постоянно рядом, одет как для гольфа – чинос, рубашка-поло, светлые мокасины. Высокий, худощавый, темноволосый. Второй пониже и вроде как совсем молодой. Рыжий, бородатый, в толстых очках, волосы свисают. Он ходит отдельно, технарь, что ли? Несколько раз выглядывал в окна в сторону моря. Там, к слову, раньше ворота были, склад мог действительно какие-то посудины прямо в себя разгружать, и Чанг сказал, что был даже эллинг, но сейчас ворота заделаны и там только окно. Нет, молодого точно больше эта часть интересует. Что они там хотят делать?

Так, есть номер машины, сразу надо бы проверить, кому она принадлежит. И лица с фотографий увеличить и распечатать.

Опять послал сообщение Висенте с номерами «Мерседеса», ну и видеофайл Витьку, со стандартной припиской: «Надо выделить все самое интересное, люди и машина». И затем, соскочив с велотренажера, направился в спортзал, на крышу.

Занимался больше часа, ворочая железки, потом опять спустился домой и поколотил длинный мешок, свисающий в кабинете с потолка. На сегодня, получается, выполнил программу-максимум, никто не помешал. И лишь после того, как я сходил в душ, съел «цезарь» с креветками и вышел на балкон с бокалом вина, зазвонил телефон.

Я глянул на номер – некто неизвестный. Номер местный, не мобильный.

- Хелло.
  - Вы – Серхио? – спросил мужской голос. – Вы присылали письмо Уильяму Брю?
  - Присылал. Вы – Брю?
  - Нет, я не Брю, я советник посольства США Майкл Акоста. Вы писали, что у вас есть информация для Уильяма Брю, верно?
  - Советник посольства? Интересно. Даже странно.
  - Верно, есть.
  - Что за информация?
  - Она для Уильяма Брю, не для вас, – решил я чуть поумерить пыл советника. – Вы к ней какое отношение имеете?
  - Акоста выдержал короткую паузу, затем сказал:
    - Уильям Брю пропал без вести. В Панаме, к слову. А я осуществляю координацию действий властей США и местных правоохранительных органов. Так что у вас за информация?
    - Вам надо рассказать мне больше для того, чтобы я с вами начал беседовать, – решил потянуть я время, прикидывая, как выудить что-то полезное из этого Акосты. – Пока я даже не знаю, на самом ли деле вы советник посольства или просто так представились.
    - Вы можете найти телефон посольства, позвонить туда, спросить мой телефон и позвонить по нему. Достаточно?
    - Мистер Акоста, понимаете, – я сделал вид, будто замялся, – я собирался обменяться информацией с Брю. – Я надавил на слово «обменяться». – У меня не было намерения выложить все, что я знаю, и в ответ не получить ничего. У меня здесь тоже работа.
    - Я знаю. Я проверил, кому принадлежит телефон, до того, как набрал номер. Вы гражданин США, к слову, так что я могу просто вызвать вас официально. Расследование ведет полицейский департамент Майами, дело открыто, так что я бы на вашем месте не стал отказываться от сотрудничества. В любом случае я хотел бы с вами поговорить. Когда вы можете подъехать?
  - Интересно. «Нет» от меня он услышать не ожидает. Знает о моих проблемах в отношениях со штатом Аризона? Так не такая уж, откровенно говоря, большая проблема, найти хорошего адвоката и подготовиться к некоторым расходам. Всерьез таким шантажировать не получится.
  - С другой стороны, я сам звонил этому самому Брю, ждал какого-нибудь ответа, реакции. Вот реакция, что мне еще нужно? Надо встречаться.
    - Я могу приехать завтра с утра. Во сколько вы начинаете работать?
    - С самого утра я буду занят... В одиннадцать устроит?
    - Вполне.
    - На входе скажете, что ко мне, я предупрежу.
- На этом разговор и закончили.

Глава 10

Получилось, что с самого утра ничего срочного не было, до встречи с Акостой было еще далеко, а встал я рано. Под утро появилась Росита, но на этот раз я и вправду спал, так что не помню, как она пришла. Вскочил, оделся по-быстрому, в гараже подхватил велосипед, на котором больше часа гонял по дорожке вдоль набережной, время от времени здороваясь с такими же, как я, ездоками. В это время духота еще не так донимает, можно хоть кататься, хоть бегать, но бегать я не могу – старое ранение колена не позволяет. Иногда начинаю, день бегаю, второй, третий, а потом так прихватывает, что еще неделю едва на эту ногу наступить могу. А вот с велосипедом почему-то таких проблем нет.

Потом еще с полчаса плавал в бассейне, стараясь себя если не загнать, то, по крайней мере, сильно утомить. А затем, плюнув на диету, раз уж так честно приналег на физкультуру, пошел в кафе «Бульвар», что расположилось в следующем после Дестини доме, претендующее на право называться французской кондитерской, где заказал кофе и круассаны – еще горячие, легкие и воздушные. Пока завтракал, пришел ответ от Висенте, причем довольно обнадеживающий: «Мерседес» принадлежал конкретному человеку, проживающему по конкретному адресу на Коронадо-бич. Подозреваю, что тому самому, высокому и худому с ролика, он за рулем был.

Дорога до Клейтона заняла минут двадцать, так что я даже рано добрался. Проскочил город, полюбовался издали на жуткую дыру – трущобу Бьехо Беранильо, а потом, перескочив через холмы Курунду, как в другой мир попал – в Америку. В самую настоящую.

С момента постройки Канала силами американского инженерного корпуса американцы добрую сотню лет арендовали его у Панама, отбивая свои затраты. И зона вокруг него находилась под американской юрисдикцией. Там базировались американские войска, за порядком следила американская полиция зоны Канала, а ребенок, родившийся в пределах этой зоны, автоматически получал гражданство США. В прилегающих к столице городках вроде Олбрука или Клэйтона, что даже по названиям понятно, преимущественно американцы и жили. Их дети ходили в американские школы, на лужайках у домов развевались звездно-полосатые флаги, в общем, все как дома.

Потом, по истечении срока аренды, Америка вернула Канал Панаме, с которого та сразу же начала получать доход порядка трех миллиардов долларов в год. Очень неплохо для страны с населением всего в три миллиона. Часть американцев из тех, что служили на базах или на них работали, съехала. Но заодно Америка сильно расширила свое посольство, увеличив его штат, открыла практически за свой счет несколько колледжей разной направленности, исследовательские центры, школы, ну и иными способами продолжая тянуть все соки из развивающейся страны, собрала это все как раз в этом районе. С институтами появились еще американцы, преподаватели и работники, и все они селились здесь, а девелоперы строили для них, причем строили, опять же, так, как строят в Америке, – классические «сабурбии» с зелеными лужайками перед домами и гаражами на три машины, перед которыми перебрасывались мячами или катались на велосипедах совершенно американские дети, так что иллюзия того, что ты покинул пределы Панама, здесь была полной.

Здесь же, к слову, обосновался и поселился мой приятель – хозяин оружейного магазина, со своей женой-аргентинкой и двумя детьми. У него американцы были основными посетителями, да и жить в этом окружении ему нравилось больше. В чем-то я его понимаю, особенно если ты здесь не на проценты живешь, а работаешь.

Комплекс посольства был новым и размерами впечатлял, огромным белым кирпичом разместившись среди зеленых холмов и прижавшись к стене джунглей. Слышал, к слову, что проектировщики этого комплекса поставили какой-то там рекорд экологичности, получив

соответствующий сертификат от какого-то там важного совета по экологии. Что в этом здании такого экологичного – я не в курсе.

Меня действительно ждали, по крайней мере, охрана моему появлению не удивилась, а молодой белобрысый морпех с обгоревшим до красноты носом довольно подробно объяснил, как мне найти здесь офис Акоста.

Найти оказалось несложно, все же здание современное и проектировщики учли, что в него будут приходить посетители. Сам Майкл Акоста оказался примерно моим ровесником, среднего роста, плотным, с графой «расовая принадлежность», заполненной как «Hispanic», что подразумевало вовсе не испанцев, которых называли «Spaniards», а выходцев из Латинской Америки. С виду он был явно выраженным мексиканцем, но, похоже, что в неизвестно каком поколении, и говорил с явно выраженным техасским «твангом». Офис у него был маленьким, скромным, украшенным разве что портретом скалящегося Обамы на фоне национального флага.

– Присаживайтесь, – показал он на стул, протягивая руку для приветствия.

Рукопожатие у него было умеренно крепким, эдаким тренированно-располагающим.

– Давайте сразу к делу, – сказал он, усаживаясь напротив. – Что вам известно об исчезновении Уильяма Брю?

– Абсолютно ничего, – развел я руками. – Я даже не знал, что он исчез до вашего звонка. Да и зачем бы я писал и звонил ему в Майами, если бы знал, что он без вести пропал в Панаме?

– Почему вы его искали?

– Потому что он зачем-то искал здесь другого человека. И я хотел узнать, зачем он его искал.

– А с Гонсалесом вас что связывает? – Акоста не стал прикидываться незнающим.

– Работа. Он меня нанял... точнее, я был субподрядчиком, меня наняли люди, которых нанял он.

– Чандлер и Мёрфи?

– Верно, – не стал я скрывать.

Какую-то домашнюю работу он явно выполнил.

– Вы пытаетесь расследовать убийство?

Здесь уже явное неодобрение прозвучало в его словах.

– Нет, мы пытаемся найти пропавшую девочку.

– Девочку... – как-то странно повторил Акоста. – Да, девочку. Так что вы хотели узнать от Брю?

– Я же сказал: нам нужны сведения о Гонсалесе, – ответил я, а потом решил вывалить все карты, все равно скрывать нечего, а если Акоста хоть что-то подкинет... – У нас была предварительная информация о том, что он скрывается то ли от обвинения в отмывании денег в Майами, то ли от опасных партнеров, а потом как-то всплыла информация, что он ни в чем криминальном не был замешан. Так?

– Продолжайте, – эдак поощрительно кивнул Акоста.

– Но Гонсалес явно сюда сбежал. От кого и почему?

– Почему вы решили, что он сбежал?

– Потому что мы работаем и собираем информацию, – решил я пока немного придержать коней. – А еще у него убили жену и сына и украли дочь. Поэтому было бы разумным предположить, что те люди, от которых он убежал, могли в этом участвовать. Нет?

Акоста откинулся на высокую спинку кресла, сложив на груди руки. Помолчал минуту, закусив губу, затем сказал:

– Нет. Те люди, от которых он сбежал, этого бы не сделали. Не буду пускаться в подробности, но просто прошу поверить на слово.

Я чуть подался вперед. Не знаю, прав я или нет, но мне показалось, что Акоста вызвал меня не для того, чтобы получить какую-то информацию, он достаточно осведомлен о том, что я могу знать, а что нет. Он вызвал меня для того, чтобы что-то сказать.

– Это то, что я могу сказать вслух после того, как истек срок действия их контракта с Брю. Больше добавить к этому нечего, я ограничен законом... о защите прав несовершеннолетних, – добавил он, все так же глядя мне в глаза. – Но думаю, что сказал достаточно. Просто не могу больше.

Так... он на что-то намекнул, надо только сообразить, на что именно. Но это не сейчас, это уже дома, а сейчас надо пользоваться моментом, пока я вообще здесь.

– Как исчез Брю? Когда?

Акоста только отрицательно покачал головой, затем сказал:

– Расследование ведет местная полиция, вот номер дела. – Он быстро написал несколько цифр на обороте своей визитки и толкнул ее мне по столу. – Уверен, что в местной полиции вы сумеете найти подходы к нему. А Брю исчез примерно три месяца назад, на третий день после прилета в Панаму.

– В газетах ничего не было, – удивился я.

Исчезновение или убийство иностранца здесь событие, так что шуму бывает много.

– Все произошло тихо, а полиция, с нашей помощью, шум поднимать не захотела.

– Я все понял, но если кратко: что-то о его исчезновении уже известно? Существенное, я имею в виду.

– Нет.

– Скажите, Майкл, а что вы хотите от нас? – решил я кругами не ходить, а добиться прямого ответа.

– Полиция успехов не добилась, а у нас полномочий нет. Брю был нанят, и... сами видите, как все повернулось. Майами Пи-Ди может вести дело только номинально, да и местные власти не хотят, чтобы кто-то или раздувал историю, или пытался доказать их некомпетентность. А мне не хочется, чтобы все закончилось так. И в деле есть еще пострадавшие, им тоже не хочется.

– Вы меня нанять пытаетесь, что ли?

– Мы можем решить ваши проблемы в Америке. – Он скрестил пальцы, положив руки на стол. – Думаю, что окружной поверенный пойдет на сотрудничество.

Ну что же... я и так во всем этом уже по уши, так почему бы и не... В конце концов, это лишь дополнительная информация, нужная для нашего же дела.

– Как с вами связываться? – спросил я, убирая визитку Акосты в карман. – По этим номерам?

– Там указан мобильный. Звоните, если что, но, как я сказал, информацией я особо не располагаю.

В общем, на этом наша беседа и закончилась, сильно не затянулась. Но озадачил Акоста меня сильно. И если он поможет решить мою проблему в Аризоне, то... тогда я смогу вернуться и при этом останусь, так сказать, при своих. А в Аризоне лучше, чем в Панаме, я уже по уши сыт местной безалаберностью, жарой, избытком жулья и всем прочим, что составляет жизнь в этом экваториальном «раю». Получится у них – уеду сразу.

Так, надо подумать. А заодно, раз уж я в Клейтоне, и пострелять можно. А может, заодно и вызнать что-нибудь. Но перед тем, как поехать, снова отослал сообщение Висенте, с номером дела об исчезновении Уильяма Брю.

Прижавшееся к Каналу скопление длинных двухэтажных домов было раньше американской базой. К ней притулилась станция железной дороги, идущей вдоль все того же Канала, а станция приросла немаленькой промзоной, в которой и нашел себе место оружейный магазин

с тиром. У входа была небольшая парковка, на которой нашлось место для моей «Тойоты», причем рядом с большим синим «Фордом F-250», а это означало, что хозяин на месте.

В магазине тихо играла музыка, воздух был прохладным, на длинной стойке под стеклом были выложены пистолеты, а в пирамидах виднелись в основном дробовики. Всем тут заправлял Пакито – невысокий суетливый молодой парень, который заулыбался при моем появлении.

– Хефе здесь? – спросил я его.

– У себя, – показал он на дверь в углу торгового зала, за которой находился небольшой офис.

– Понял. Дай три коробки сорокового, с оболочечными.

– «Магтек» или «фьокки»?

– «Магтек».

Бразильский «магтек» дешевле, хоть и бывают с ним иногда проблемы у некоторых систем. Но «хеклер» обычно все жрет, что ни дай.

Пакито принял деньги, выложил на прилавок три увесистые синие коробки.

– Привет! – Голос сзади поздоровался со мной на русском. – Пострелять?

Я обернулся. «Хефе» был моего возраста, примерно такого же размера и комплекции, одет в «карго-шорты» и синюю «поло», на поясе в кобуре «кольт-1911». Кто работает в оружейном, безоружным не ходит.

– Ага. И тебя хотел расспросить кое о чем.

– Без проблем, – кивнул он, после чего повернулся к Пакито и сказал: – Дай мне две сорок пятого, тоже «магтек».

Время было еще рабочее, так что в тире пусто. Заняв две соседние кабинки, мы прицепили изображающие вооруженного врага мишени к зажимам и отогнали подальше. Вытащив свой «хеклер» из кобуры, я начал освобождать магазины от тех патронов, которыми они были набиты, – стрелять дорогими самооборонными «пустоголовыми» по бумаге как минимум неприлично, а как норма – просто глупо. «Хефе» же просто принес дополнительные пустые магазины, выбросив полный из рукоятки своего «коммандера».

– Так что узнать хотел?

– Ты посольских американцев знаешь более или менее?

– Ну... да, – подумав, кивнул он. – Именно что более или менее. Кого-то более, кого-то просто в лицо, а кого-то не знаю.

Жил он здесь же, в одном из *cul-de-sac* «Посольского клуба», где и они все.

– Акоста. Майкл Акоста. Знаешь такого?

– Знаю, – не стал он долго раздумывать. – Довольно хорошо. Он здесь часто стреляет. И так встречались, в компаниях.

– Кто он?

– Федерал какой-то, как мне кажется. Или ФБР, или АНБ, или кто-то еще. А что?

Нет, не АНБ, это агентство уголовными расследованиями не интересуется. Если бы был DEA, то я бы о нем знал, с этими контактит Стив с Джеффом. Ладно, в любом случае кто-то из правоохранителей, то есть *legit*, как говорят сами американцы.

– Он здесь с год, наверное, но еще в молодости служил в полиции зоны Канала, так что вроде как вернулся сюда, – добавил «Хефе». – Нормальный мужик, дело иметь можно.

Ну, еще лучше.

– А что?

– Да предложил поработать на них, так вышло, – решил я не темнить, все же свой человек. – Вот и думаю, соглашаться ли?

– В обмен на твою проблему? – сразу догадался он.

– Пирожок возьми, с полки.

– Не могу, диета, – он похлопал себя по животу. – Нормальный он, по впечатлениям, не думаю, что кинет.

Он надел очки и наушники, заодно проследив, чтобы я этого сделать не забыл, затем в быстром темпе опорожнил магазин «коммандера» в силуэт. На пятнадцати метрах пули легли кучно: в груди ладонью накрыть можно, а две в голове почти впритирку друг к другу. Я покачал головой и сам начал палить двойками, поочередно целясь в две соседние мишени.

Глава 11

Из Клейтона поехал в офис, к Витьку. Я в Интернете всякое тоже умею искать, но так как он – нет. Но надо сперва некоторые исходники для него подобрать. Витька не застал, он появился уже после того, как я зашел и сварил себе кофе. В руках у него было несколько шуршащих пакетов.

– Та за жратвой ездил, – опережая мой вопрос, сказал он, занося пакеты в кухню. – Покормить? Могу яичницу сделать. С салом.

– С беконом, в смысле?

– В смысле с салом, которое с мясом, – засмеялся он. – С беконом, понятное дело.

Недолго подумав, я согласился. Кулинарными талантами Витёк не обладал, но яичницу испортить трудно, а есть уже хотелось.

– Давай, спасибо скажу, – кивнул я, усаживаясь за стол. – А пока делом займусь. Кстати, ты по видео, что я тебе вчера прислал, все закончил?

– Та закончил, щас отдам все. Мордочки получились как на могилки, ясные и контрастные.

– Блин, Вить, юмор у тебя...

Первый звонок я сделал Стиву.

– Надо узнать в школе, откуда перешли в нее дети Гонсалеса, – сказал я ему. – В «Кингз Колледж» без оценок и прочего с прежнего места учебы не возьмут, так что у них наверняка информация должна быть.

– Ты что-то нашел? – заинтересовался он.

– Не знаю пока. Будет зависеть от результатов. Может, и нашел.

– Я попытаюсь узнать, – сказал Стив, но в голосе у него я услышал сомнение. – Но думаю, что это закрытая информация, так что без гарантий.

Так, все бумаги из дома Гонсалеса забрала полиция, а там можно было что-то найти наверняка. Старые выписки с банковских счетов, например, а там же адрес должен быть, что-нибудь еще... Так, адвокат Паломарес.

Снова схватился за телефон, наткнулся на Росию, узнал, что адвокат Паломарес занят с важным клиентом и сейчас ответить не может. Попросил перезвонить. Перезвонит, он ведь думает, что у меня новости по его работе, а оно вовсе и не так. Кстати, с Молиной, который продает компанию, тоже надо бы встретиться, список вопросов для него у меня уже готов. Набрал его на прямой мобильный, Молина сразу откликнулся. Договорились на вечер у него в офисе, что расположился неподалеку от «Мультисентро» – большого торгового центра на Авенида Бальбоа, опять же, от меня рукой подать.

Адрес, к слову, престижный, а компания на ладан дышит. Тоже местное: лучше без штатов останется, но сидеть в дешевом офисе и без секретарши с сиськами никто не будет. Никакого уважения тогда от визитеров.

Закончив со звонками, взялся просматривать то, что Витёк для меня сделал. Со всеми фильтрами и чисткой картинок портреты получились и вправду хорошие, опознать по ним кого-то большого труда не составит. Женщина, кстати, очень симпатичная... даже красивая, пожалуй, просто такой типаж не очень яркий. И держится...

Загрузил портреты куда мог, заодно распечатал, чтобы в бумажном виде были. Пока возился, перезвонил Паломарес, точнее, Росию по его поручению и соединила с начальством.

– Какие-то новости? – с ходу поинтересовался он.

– Нет, я немного по другому поводу. – И не давая времени сильно задуматься, сказал – У тебя должен быть старый адрес Гонсалеса, в Майами.

– Должен быть, – немного опешил он. – Я думаю, что он и сам способен тебе его назвать, нет?

– Я не хочу у него спрашивать. Не уверен, что он скажет правду. Темнит...

– Это конфиденциальная информация.

– Ману, брось трепаться, – засмеялся я. – Он из Америки приехал, а это значит, что я могу найти его координаты за пару часов максимум. Тем более что это Флорида, там вся информация открыта. Просто мне некогда, у меня еще твой Молина в делах.

– А что с ним?

– Пока ничего, – разочаровал я его. – Был на его складе в Колоне, говорил с людьми, сегодня встречаюсь с ним самим. Да, кстати, ты сам его покупателей видел?

– Пока нет, до составления документов дело еще не дошло.

– Я тебе на всякий случай скину их портреты, пусть будут.

– Без проблем.

– А раз без проблем, то что по адресу Гонсалеса?

– Я скажу Росио, она тебе перешлет.

Так и поговорили. Почта от Росио пришла минут через пятнадцать.

– Витёк! – позвал я. – Слушай сюда. У нас есть имя Гонсалеса и его старый адрес, так? Имена членов его семьи. Если я правильно разобрался в тех намеках, какие мне сделали, Гонсалес спешно покинул Флориду из-за того, что кто-то из его детей был вовлечен в преступление.

Я хотел добавить: «Скорее всего, дочь», но не стал, могу и ошибаться, не надо человека заранее с толку сбивать.

– Причем достаточно серьезное преступление, потому что Гонсалеса искали и здесь. Понимаешь?

– А че не понять?

– Отлично, – кивнул я. – В Америке личность малолетних преступников скрывается, так что в открытых источниках ссылок не будет. Не помню точно как во Флориде, но если несовершеннолетний не судим как взрослый или не осужден, то его личность не может быть открыта. Если Гонсалеса искали для подачи гражданского иска, то, скорее всего, уголовный суд провалился. Или даже не состоялся.

– В общем, искать все, что как-то может иметь к этому отношение? – сам подвел итог моей речи Витёк.

– Именно.

– А насколько... того... надо в рамках держаться? – спросил он невинно.

– Настолько, насколько надо, чтобы ты не попался. И да, если ты сумеешь заглянуть на сервер «Кингз Колледж», что в Клейтоне, будет совсем хорошо.

– Ага, даже так, – заухмылялся он. – А я попробую.

Так, что у меня еще на очереди осталось? Адрес в Коронадо-бич, где живет тот самый человек, что ездит на хорошем «Мерседесе». Вызвонил Кике, дал ему адрес, попросил заехать за оборудованием и, по возможности, понаблюдать за домом немного. А главное – снимать. Что это даст? А черт его знает. Иногда это может дать номера других машин, а иногда может показать, что адрес липовый, и все станет еще подозрительней. Пусть наблюдает, не повредит, тем более что как раз Кике у нас сейчас работой не перегружен.

Затем перезвонил Стив:

– Оба ребенка учились в «Галливере» в Майами. Адрес школы сейчас пришлю сообщением. Теперь скажи, что мы из этого получили?

– Пока еще ничего не получили, дай время на проверку. Я с тобой свяжусь. У тебя, кстати, какие-то новости есть?

– Никаких, тупик. – Слышно было, как он вздохнул. – Обошел дома дальше по улицам во всех направлениях, у многих стоят камеры. Никто не отказался поделиться записями – и ничего. Если дочь Гонсалеса вывозили оттуда, то я не знаю, каким способом.

Дождался сообщения от Стива и отдал Витьку. Затем дверь открыл на звонок и столкнулся с Белен. Она разулыбалась до ушей, пока я ее пропускал в дверь. Очень хорошо, сейчас они еще и в четыре руки работать будут, причем девочке даже платить не надо, Витёк за всех рассчитается.

А затем и сам сел за компьютер, вскоре потерявшись в бесконечных ссылках. Трудновато искать черную кошку в темной комнате, но обнадеживает знание факта, что она здесь есть. Где-то здесь есть.

Заехал Кике, забрал кофры с камерами, покрутился пару минут и уехал следить. Ага, пусть следит. Часа через два пришлось перевести еще пять сотен Висенте – он прислал копию дела. Лучше и придумать нельзя. Но надо на этом что-то заработать, а то так с одним Висенте разорюсь. Оставив все поиски Витьку с Белен, тихо сидевшим в соседней комнате, взялся читать дело. А было в нем, к сожалению, немного. Уильям Брю прилетел в аэропорт Токумен, понятное дело, затем заселился в недорогие, но приличные «Сюитс амбассадор». Затем Брю купил предоплаченную SIM-карту и сделал с нее с десяток разных звонков, распечатка прилагалась. Но ничего криминального, в списке и Паломарес значился, как раз один звонок. И было всего два входящих звонка, с одного и того же номера, с разницей в один день. Однако полиция установила, что телефон принадлежит агентству по путешествиям, так что тоже ничего интересного.

На всякий случай переписал себе номера в телефон, пусть будут, может быть, есть смысл туда позвонить и расспросить самостоятельно.

Еще Брю взял в прокат машину, кроссовер «Киа», затем эту машину нашли припаркованной в районе Пятидесятой улицы, просто у тротуара. И никаких камер в этой точке, поэтому идентифицировать, кто именно ее оставил, сам ли Брю или кто-то другой, не вышло.

Так... есть показания нескольких свидетелей, видевших Брю, но это все отельный персонал, клерк со стойки проката машин, продавец мобильных – это и без них понятно, что тогда Брю был жив и здоров. И делиться планами на жизнь с ними он не собирался.

Есть фото самого Брю. Плотный, даже толстоватый, со вторым подбородком, короткие кудрявые волосы. Так, есть его домашний адрес в Пемброук-Пайнс, в Майами. И телефон. И указаны родные, жена и сын. И ни слова о том, говорили с ними или нет, вообще ничего. Так, а ведь он им звонил, трижды. Мог ведь о чем-то сказать, нет? Мог.

Так, что время терять? Заглядывая в экран, набрал указанный в деле номер. Женский голос ответил после четвертого гудка. Причем я на автомате отметил, что женщина даже по голосу толстая, не ошибешься.

– Миссис Брю?

– Да...

– Я звоню из Панама, меня зовут Серхио Руднев, и я нанят американским посольством, чтобы помочь в поисках вашего мужа. – Думаю, что наврал в допустимых пределах.

– Да? – заинтересованность мелькнула.

– Скажите, с вами кто-нибудь из полиции Панама разговаривал?

– Нет, – ответила она немедленно. – Ко мне заезжали детективы из Майами, задавали вопросы, и все.

– Хорошо. – Я быстро записал «уточнить, кто именно» на липком листочке.

– Когда вы разговаривали с вашим мужем, он говорил о своих планах в Панаме? Упомянул людей, с которыми встречается? Рассказывал о том, куда собирается ехать?

– Нет, практически ничего такого. Детективы меня об этом спрашивали – ничего, – вздохнула она.

– По распечаткам звонков, который был получен от мобильного оператора, выходит, что мистер Брю звонил домой три раза. Все три раза он разговаривал с вами?

– Н-нет, один раз он говорил с сыном.

– А сына детективы допрашивали?

– Н-нет, нет, его тогда здесь не было и...

– А я могу с ним поговорить?

– Да, конечно, я его позову, он дома сейчас.

Я скрестил пальцы – пусть он даст хоть что-то интересное. Что-то такое, что позволит понять главное: как так вышло, что исчез частный детектив, прилетевший на совсем безопасное, по сути, задание – найти человека, которому хотят вчинить гражданский иск. Гонсалес ведь не преступник, не думаю, что он мог бы совершить нечто... настолько незаконное. И при этом Брю пропал. На что он мог наткнуться? На что-то такое, что убило семью Гонсалес? Другие идеи мне на ум не приходят.

Подошел сын, которого я представил себе тоже толстым. Голос ломающийся, подростковый. После минуты разговора я получил первый кусочек информации:

– Он сказал, что собирается ехать в этот... дерьмо... как его... на Колумба похоже, город такой...

– Колон?

– Точно, мужик! Колон! В Колон он собирался.

А в Колоне-то что Брю зандобилось? Тут я откровенно опешил. Гонсалес со своей семьей там, как я подозреваю, ни разу не был. Брю прилетел искать Гонсалеса или кого-то другого? Кто его нанял, в конце концов?

Когда сын передал телефон матери, я спросил, кто нанял ее мужа.

– Он не сказал.

– А с каким заданием?

– Найти должника, кажется.

Ну, я бы на его месте так же отмазался, если бы не хотел говорить правду. Звонить Акости? Но он четко дал понять, что ничего не скажет. Значит, Витёк сам откопать должен.

И на хрена ему в Колон было ехать? Что там делать? Какая связь? Нет, тут что-то не так.

– У вас имена детективов, которые к вам заходили, сохранились?

– Да, я сейчас поищу, они дали мне свои карточки.

Нашла. Я записал. Ничего не говорящие фамилии незнакомых людей, испанская, что для Майами стандартно, и польская, что там встречается реже. Есть телефоны, электронной почты нет. Не знаю, есть ли смысл им звонить? У меня никакого официального статуса, они меня просто пошлют. Нет, не буду звонить, если понадобится, наяду на Акосту.

Так, и с какой стати я все сам делаю? Стив, Стив нужен. Если надо, он и детективам в Майами позвонит, они быстрее общий язык найдут.

Снова взялся набирать коллегу. Минут десять было занято, затем Стив ответил.

– Стив, за Гонсалесом прислали из Майами частного детектива. Который здесь пропал без вести.

Вот как я, без всяких вступлений.

– Приснилось что-то? – вежливо поинтересовался Стив.

– Не мне, а человеку из американского посольства. У меня есть копия дела, я тебе ее перекину, если ты не против.

– А раньше почему не перекинул? – Его голос прозвучал еще вежливей.

– Только получил эту копию. А до этого информации почти никакой не было. Ладно, не отвлекай меня от работы, читай дело, – ушел я от неудобных вопросов.

И сразу же отправил файл. Пусть он теперь тоже думает. Заглянул в «спальню» Витька, которую он по ходу дела почему-то именовал «админкой». Нет, не резвятся в постели, оба сидят за компьютерами... а может, они всегда так? Это у них *вместо*? Не может быть.

– Вить, если что – звони, я на встречу с Молиной уехал.

– Я понял, – кивнул он, не отводя глаз от монитора.

Ехать было недалеко и недолго, даже с поправкой на самый час пик, так что минут через десять я уже припарковал «Тойоту» в подземном гараже комплекса Плаза Патилья, где как раз офис торговца бразильскими запчастями Молины и разместился. В просторном лифте поднялся из-под земли на второй этаж, прошел по коридору, чуть не проталкиваясь через поток уходящих с работы людей, обнаружив в самом конце дверь из толстого стекла с названием фирмы.

Молодая секретарша как неперенный атрибут успеха да, присутствовала. Упитанная такая. Это сеньор Молина предпочитает подобных или за деловые качества на работу приняли?

Сам сеньор Молина, принявший меня незамедлительно, оказался невысок, немолод, сед, дружелюбен и приветлив. Еще густые волосы он зачесывал назад, на его смуглом лице почти не было морщин, разве что мешки под глазами были заметны, придавая ему сходство с какой-то собакой, спаниелем, что ли. Большой золотой «Ролекс» на запястье, идеально белая рубашка без галстука, ремень «Эрме» в песочных чинос. Усадил меня в кресло, угостил кофе, сам угодился, усевшись за стол напротив.

После обмена дежурными фразами я спросил:

– Как покупатели на вас вышли?

– Через дирекцию порта в Колоне.

Ну вот, уже кое-что. Навелись они конкретно на склад, а уже затем искали владельцев, так получается. Что такого в этом складе?

– Они сразу пришли туда или сначала к вам?

– Ко мне. Чанг отправил их ко мне, а дальше я попросил им все показать.

– Кто к вам приходил? Остались их координаты?

– Да, минутку...

Молина протянул руку к стопке визиток, зажатых в письменном приборе, выдернул пару, протянул мне.

Так, уже интересней... Название компании соответствует офшору, но адрес местный. Зарегистрировали здесь «дочку» или открыли представительство? Так, женщина... СЕО, зовут Энн Хилли... телефоны, мейл, даже скайп. И мужчина... Джереми Грант... очень по-английски звучит... Attorney in Law. Тоже телефоны, мейл, скайп.

– Кто они? Американцы?

– Англичане, я уверен, акцент слишком характерный.

Это лучше. Для Молины лучше. Англичане в Панаму редко приезжают заниматься чем-то совсем противозаконным и при этом сразу целой фирмой.

– Как они предложили продать склад?

– Ну... очень просто, – пожал плечами собеседник. – Женщина просто сказала, что они хотели бы его купить, вот и все. И сразу объявила цену.

– Высокую, – скорее утверждая, чем спрашивая, сказал я.

– Да, довольно высокую. Не настолько, чтобы считать их дураками, но настолько, чтобы мне не хотелось отказываться от предложения. Столько мне больше никто не предложит.

– Что они собираются там делать?

– Говорят, что будут продавать какое-то очень специальное оборудование для контейнерных терминалов. Точнее не скажу, я просто не понял, хоть мне пытались объяснить. Что-то связанное с компьютерами, а я в них ничего не понимаю.

Почему-то вспомнился рыжий бородатый парень в очках, ходивший по складу. Как-то он больше всех ассоциируется с компьютерами.

– Вы у них в офисе не были? – Я щелкнул ногтем по карточке Энн Хилли.

– Нет. Но могу побывать, есть несколько вопросов, которые я в любом случае хотел бы задать, а здесь, в Панаме, мы предпочитаем делать это лично. – Он усмехнулся и получил от меня усмешку в ответ.

Все верно, в Панаме ходят с визитами.

– Сходите, сеньор Молина. И возьмите меня с собой, хорошо? Я буду... консультант по безопасности. Не надо придумывать ничего нового.

Посмотрев на меня внимательно своими спаниельскими глазами, Молина медленно кивнул.

Когда я вышел от Молины, подумал о том, что неплохо бы проехаться по адресу, указанному в визитке, но, посмотрев на часы, решил, что толку от этого не будет. Нет смысла ехать, чтобы уткнуться в закрытую дверь, рабочий день закончился. Вместо этого набрал Паломареса и спросил у него, не слыхал ли тот о советнике права Джереми Гранте. Паломарес сказал, что сам не слыхал, но проверить уже пытался. Выходило, что это британец, работавший долго в Испании, где и выучил, к слову, испанский язык. Работал там с недвижимостью и в основном на ней специализируется и сейчас.

– Давно он здесь?

– С год.

– Тогда он не может сам работать с панамской недвижимостью, он же англичанин и новичок, а у вас здесь черт ногу сломит. Должен быть какой-то местный партнер.

– Он сотрудничает с несколькими небольшими фирмами из хороших, но ни с кем постоянно.

Большие юридические фирмы в Панаме обычно дороги и при этом малоэффективны. Они пытаются работать как в нормальных местах, а в этой стране все делается через контакты и связи. И те, кто поумнее, идут к таким фирмам, как у Паломареса, который на короткой ноге чуть не с половиной правительства. Пользы больше, а денег даже меньше нужно. Так что это говорит в пользу советника права Гранта.

– А репутация у него какая-то есть?

– Репутация человека, который не лезет в чужие дела и в свои никого не пускает.

Вот так. Понятно. Но как-то образ покупателей начинает понемногу материализовываться. Подозреваю, что за рулем «Мерседеса» как раз «советник права» и был. Так, посмотрим, что получит в результате наблюдения Кике. Подумав, отослал ему сообщение:

«Если будет возможность, расспроси».

Он поймет. Кике за своего вполне сходит здесь, так что ему всегда легко удастся разговаривать всяких дворников, уборщиков, садовников и прочих обслуживающий персонал, а эти люди замечают очень много, куда больше, чем многие думают.

«Vale» – пришел ответ.

Так, тогда только домой остается, ничего путевого я сегодня больше не совершу.

Глава 12

– Папи, мы куда-нибудь пойдём? – Росита заглянула в кабинет.

Когда я приехал, ее не было, судя по причёске, ходила в парикмахерскую. Ага, и маникюр, акриловые ногти сменили цвет.

– Я устал, гуарра. – Я посмотрел на нее поверх монитора. – Тяжелый день был. Не сегодня.

– Хорошо, – как обычно легко согласилась она и тихо прикрыла дверь.

Ну куда я с ней пойду сегодня? В клуб до утра? Мне работать завтра. Да и в клубе делать нечего. Ужинать? Ужинать вредно, у меня фруктовый салат на ужин, да и она постоянно на диете. Дома посидим, каждый на своем месте. У нее телевизор есть и тыща спутниковых каналов, у меня своя комната.

Я просто проверял почту. От Витька пока ничего не было, а больше я ничего и не ждал. Проверил по карте, где именно находится офис покупателей, затем сообразил, что это в «Тау-эрбанке», в шестидесятиэтажной, кажется, башне из черного, как оникс, стекла в банковском районе. Нормальное место, не из дешевых. Там, к слову, обычно банки и финансовые компании базируются, торговля оборудованием для терминалов кажется чуть надуманной. Ну да ладно, может, это холдинг и они во все подряд инвестируют.

Так, ладно, закончим с этим, пусть мозги маленький отпуск возьмут. Сходил в прихожую за пистолетом, вернулся с ним в кабинет, разбросал на части на одноразовом полотенце. Потом, подумав, открыл сейф и достал все, что там было – перечищу, раз время есть, в здешнем климате вообще раз в неделю рекомендуется чистить, если оружие в сейфе, и через день, если ты его носишь, даже не стреляя.

Сначала почистил тот, что уже разобрал, благо в нем сто пятьдесят патронов сегодня сжег. Затем почистил еще один, почти такой же, но чуть меньше, субкомпактный «sk», затем еще один «Хеклер», на этот раз большой, полноразмерный L30. Все под один и тот же калибр. Потом взялся за маленький «Вальтер», который PPS, плоский, как блокнот, я его только совсем скрытно ношу, а закончил револьвером «Smith & Wesson Bodyguard» – легким и маленьким, зато со встроенным лазерным целеуказателем.

Так, с карманным форматом закончили. Ну и дробовик, который «Бенелли супернова», его тоже чистим. А больше у меня ничего нет. Еще когда приехал сюда, очень удивился тому факту, что у «Хефе» в магазине нет ничего, кроме пистолетов и дробовиков. Причем дробовики или спортивные, для тарелочек, или сугубо самооборонные. Помню, что объяснил он мне все просто:

– В Панаме охоты никакой нет. Тут любая живность относится к редким и вымирающим видам. – Он ткнул пальцем в сторону окна, откуда видно было Канал. – Ты вот вшей подцепи, начни их на себе давить, и то преступником станешь, окажется, что они тоже какого-то особого вида. И крупного в природе ничего нет, разве что крокодилы, которых тоже стрелять нельзя. Так что охотничье оружие, неважно какое, винтовки или дробаны, тут никто не берет.

– А не охотничье?

– Берут, – кивнул он. – Но не так уж часто, поэтому везу только под заказ. Длинных стрельбищ нет, тактических стрельбищ тоже, я сейчас сам пытаюсь найти место под такое, ну и главное: сколько американская «арка» здесь будет стоять?

– Ну, не знаю... Американская цена плюс сколько процентов?

– Где-то двадцать пять, – ответил он. – А сколько будет стоить болгарский или там китайский «калаш», только левый?

– Сколько?

Я тогда здесь еще новым был, не знал таких полезных вещей.

– За пятьсот я тебе новый подгоню, дешевле «глока» выйдет. Нормальный, военный. А сейчас уже и венесуэльские «сто третьи» появились, они вполне на уровне. А если ящик возьмешь, то за четыреста организую.

– И много их здесь? – уже совсем заинтересовался я.

– Считают, что на один зарегистрированный ствол приходится порядка двенадцати левых, – засмеялся он. – Зарегистрировано примерно шестьдесят тысяч у частных лиц, и считают, что где-то семьсот тысяч нелегальных по рукам. У каждого взрослого есть, считай. Точнее, у большинства нет, а у некоторых до фига.

– То есть...

– То есть винтовки официально покупают лишь те, у кого есть деньги и для кого это хобби. Вот у меня есть три винтовки, с которыми я иногда езжу пострелять. Но всех таких владельцев, что я знаю, можно посчитать по пальцам. А кому просто ствол нужен, тот левый возьмет, это даже проще, не говоря о том, что дешевле и быстрее.

– А если поймают?

– Поймают – посадят, но ловят редко.

В общем, я винтовку так и не купил. Купил только вот этот самый «Бенелли» и решил, что для моей работы и образа жизни вполне достаточно: на войну я не собираюсь. И, в общем, оказался прав, даже дробовик у меня всего пару раз покидал сейф, если не считать выездов в тир. Забрасывал его в машину на всякий случай, когда сомнения были, но ни разу не понадобился. Вот пусть и дальше не надобится.

Из гостиной музыка. Канал «Латина», он у нас чуть не круглосуточно включен, когда Росита дома. Черт... сидеть в кабинете или идти в спальню? Если пойду в гостиную, то Росита заметит, что музыка мне мешает, и выключит, а что мне самому делать в гостиной? Если пойду в спальню рано, то Росита решит, что самое время скрасить мою жизнь сексом... Кстати, а разве это плохо? А черт его знает, не хочу я. Хорошая Росита, красивая и темпераментная, но не хочу.

Посмотрел на часы. Не так еще и поздно. И я даже не переодевался с тех пор, как сюда пришел. Ладно, что тогда тут сидеть и маяться? Сунул свежеччищенный «Вальтер» в кобуру, она незаметней той, что я на работу ношу, кобуру зацепил за пояс, скрыв рубашкой навывпуск, пригладил волосы перед зеркалом и вышел из кабинета.

– Папи, ты уходишь? – явно расстроилась Росита.

– Да, надо кое с кем встретиться, – соврал я вполне убедительно.

– Я думала...

– Что? – задержался я.

– Ладно, – чуть натужно улыбнулась она. – Ничего, все хорошо.

Блин, ну на хрена делать все еще труднее? Ругалась бы – я бы плюнул на все и нашел в себе силы разойтись. А так... На кой черт я вообще во все это ввязался, чуть ли не с малолеткой? Она тут в любовь играет, а мне что сама эта любовь, что эта странная совместная жизнь, что все остальное... все это нужно как рыбке зонтик. И дальше что? Жениться и деток плодить? На двадцатилетней? Чтобы уже не один я знал, что дурак, но и все окружающие? Тупиковый путь развития у нас, причем прямо в тупике и начался.

И духу не хватает с ней просто разбежаться. Вроде как ответственен за тех, кого приручил. Она пусть еще и танцует в своем «Хрустальном дворце», но взгляды на жизнь уже изменились, вся в надеждах, и как-то рука не поднимается ее обратно столкнуть. Идиот, идиот, чем думал тогда, когда приглашал ее out? На кой черт все остальное нужно было? Развлеклись бы и разошлись, ну даже переспали, у здешних девушек с этим не то чтобы сложно, это разве из потомственно-аристократических семей все репутацию блюдут... так нет, выстроил хрен знает что, теперь расхлебывай.

Лифт опустил меня на «наземный» этаж, первым этажом везде, кроме России, называют наш второй, вышел под козырек, тормознул проезжавшее такси. Втолкнулся на тесное заднее сиденье, сказал:

– В «Эль-Паво реаль», на Бия Архентина...

– Я знаю, сеньор, – кивнул таксист, включая счетчик.

Стемнело, город расцвечился огнями. Ливень прошел совсем недавно, пока я дома сидел, и отблески фонарей расплывались по еще не просохшим тротуарам. Пахло дождем, даже вечерний ветер с океана не унес пока этот запах.

Через весь центр таксист не повез. Машина проскочила кусок старого Каско Бьехо, вывернула после него на просторную Вторую Северную и так, в объезд, через широкую Бия Симон Боливар, выбралась на Архентина, где меня и высадили, на тротуар, полный гуляющих людей.

Несмотря на испанское название, «Эль-Паво реаль» был английским пабом, причем совершенно классическим, с интерьером из темного дерева, с Fish-and-Chips в меню, с хорошим пивом. Даже музыка сейчас играла английская, «Mandness» ни с кем не спутаешь. И большая часть публики в пабе была экспатами, то есть такими же, как я, переселенцами.

Паб этот прославил Грэм Грин, когда писал своего «Портного из Панамы», и сам он приходил сюда ежедневно, пока был в городе. Сей факт, в общем-то, забылся, но в паб, которым владела бывшая работница британского посольства, дорогу все же протоптали. И я протоптал.

Росита «Эль-Паво реаль» не любила, хоть и пыталась, как всегда, скрывать, изображая чуть не восторг, если я ее сюда приглашал. Но я старался ее все же не приглашать, «оставляя для себя» это место. И здесь часто можно было встретить Стива, Джеффа в бары почти не ходил, к моему сожалению. И Стива я сегодня и увидел, почти сразу, сидящего за стойкой в компании какого-то круглолицего высокого мужика с очень короткой стрижкой.

– Привет, – подойдя, я хлопнул Стива по плечу.

– Привет, – отсалютовал мне бокалом он и сказал бармену: – Большой лагер ему, – под-
разумеваю меня, разумеется.

Забавно, что слово «lager», сугубо английское именование светлого пива, все приехавшие сюда быстро теряли, меняя его на просто «beer» с упоминанием размера, «large» или «small», но Стив упорно держался старой привычки.

– Знакомься, это Иэн, – Стив указал на своего собеседника.

– Сергей, – протянул я руку.

– Откуда ты?

Откуда он, вопросов уже не возникало, такой шотландский акцент при всем желании не подделаешь. Интересно, кто кого из них переборет, этот Иэн Стива со своим шотландским или Стив его с помощью своего жуткого ирландского? «Если кит со слоном схватятся, то кто кого соборет?»

– Из Москвы... а вообще отсюда. А ты?

– Глазго. Но вообще я сейчас в Колумбии, в Картахене работаю.

– Сюда надолго?

– На пару недель, получаем здесь груз для компании. Мы там бурим дно в порту.

– У тебя девушка из Картахены вроде, да? – зачем-то решил продемонстрировать мою причастность к этому прекрасному колумбийскому портовому городу Стив.

– Из Картахены, – кивнул я.

– У меня теперь тоже, – усмехнулся Иэн.

Бармен выставил бокал «Хайнекен», он мои пристрастия тоже знал. К местным сортам как-то не привык, хоть и были среди них неплохие. Подтащив еще один высокий табурет, я уселся рядом.

– Кстати, – Стив обернулся ко мне, – есть что-то новое?

– Пока нет, Виктор работает. Если будет – он пришлет сообщение, если придет, то я с тобой свяжусь. Или тут все расскажу, если будем еще здесь и ты будешь еще разбирать слова.

– Так ты следи, чтобы я разбирал. И проверяй иногда.

– И если ты уже не в норме, то...

– То уже не беспокой. Cheers. – Мы чокнулись бокалами.

Так, и пожрать бы заодно... надо каких-то сэндвичей попросить, что ли...

– Я был в отеле, где останавливался Брю. – Стив все же решил немного по делу поговорить. – Там вспомнили о том, что перед своим последним выходом, тем, после которого он уже не вернулся, Брю спрашивал, где найти ближайшую аптеку. Ближайшая там, за углом, я сходил поспрашивать. И знаешь что?

– Что?

– Его там вспомнили. И знаешь почему?

– Ну? Мы по делу говорим или это паб-куиз?

– Его там встретили. Купил он, к слову, просто бутылку минеральной и леденцы, то есть зашел не за лекарствами, а по какому-то другому делу, вода еще и в любом киоске продается, верно?

– Верно. – Я придвинулся ближе, положив локти на стойку.

– Он приходил туда с кем-то встретиться. И встретился. С женщиной, вроде бы молодой, ее клерк через витрину не разглядел, у них там наклейка рекламная в половину стекла, как раз закрыла ее голову. Но место просматривается камерами из отделения банка.

– Ты к ним ходил?

– Ходил, само собой. Они даже сказали, что записи с камер у них хранятся аж полгода. Как тебе? Это раз. Второе: камеру, направленную на это место, поставили за три дня до этого.

– Ты хочешь сказать, что туда мог попасться кто-то нехороший? – уточнил я.

– Именно это я и хочу сказать. Человек выбрал странное место для встречи, не пришел в отель, не назначил в баре, например, а заставил уйти Брю из отеля. Заставила, – поправился он. – Поэтому допускаю, что место выбирали так, чтобы оно не попало в чьи-то камеры. А оно попало.

– Хм... допущение, – скептически поморщился я.

– У нас все – одно большое допущение. Но это логичное допущение, основанное на том, с чем мне приходилось сталкиваться раньше. Ты про двадцать пять лет моей службы детективом не забывай.

– Я не забываю, забыл бы – не отдал бы тебе дело Брю, – усмехнулся я. – Но вообще верно, логика в твоих словах какая-то есть, пусть и пьяная. А что в банке? Они сказали, что хранятся, и...?

– И решить вопрос их выдачи может или судья, но нам это не светит, или начальник службы безопасности из головного отделения, которого сейчас нет и который появится завтра. Телефон мне дали, попытаюсь договориться.

– Было бы неплохо, – только и осталось сказать мне.

Вечер пошел легко. Пили пиво, сыграли несколько партий в пул, причем я, к собственному удивлению, выиграл, хотя никогда в бильярде не блистал, и угощали потом меня, потом к нам каким-то образом подсели две средних лет американки, горластые и бесцеремонные, пившие, как мужики, потом подтянулся еще какой-то коллега Иэна.

А потом неожиданно пришло сообщение от Витька:

«Если я ничего не напутал, то мы имеем сенсацию и полный Пэ. Сбрасываю все на почту. Если что, мы здесь».

Ага, «мы» – это с Белен, так вдвоем и трудились, похоже, до настоящего момента.

– Стив! – Я постучал партнеру по плечу, тот обернулся. – Витёк что-то сенсационное нашел, сбросил мне на почту.

– Что нашел? – заметно пьяный Стив вроде как даже протрезвел.

– Не знаю. Могу все перебросить тебе, но я понятия не имею, что там.

– Тогда завтра с утра, когда сам разберешься, – отмахнулся он. – Все равно я уже не в том состоянии, чтобы из себя великого сыщика изображать. С утра, все с утра.

Это точно, состояние у него уже того, не предполагает больших аналитических способностей. Да и сам я уже того... хоть и не пьяный, но поддатый, не помню уже, какой бокал пью.

– Ладно, я домой.

Два ночи уже, к слову, а завтра вставать... И похмелье точно будет, уже никуда от него не денусь. Прошел между столиками к выходу, остановился на террасе, все еще заполненной людьми, вдохнул ночной воздух. Ночью здесь все та же духота, но температура падает градусов на пять-шесть, все полегче. Бия Архентина звучала музыкой, народу вокруг было тоже еще полно – Панама, как и любая другая испаноязычная страна, рано спать не ложится. Даже паб, из которого я вышел, открыт до четырех утра. На тротуарах самая настоящая толкотня, смех, где-то даже поют хором.

Потер лицо ладонями, словно пытаюсь стереть с себя опьянение, но не стер. Лицо было каким-то онемевшим. А вообще, надо себя контролировать, что-то часто я стал напиваться и все чаще нахожу повод поехать на ночь глядя в бар. Даже несмотря на то, что работы хватает.

Приметив ряд желтых такси, выстроившихся вдоль тротуара, направился к ним. Водитель машины, стоявшей в очереди первой, выскочил из-за руля и распахнул передо мной пассажирскую дверь.

Обратно меня везли через центр, чуть дольше, но интересней, есть на что из окон поглазеть. Машина остановилась под козырьком, я рассчитался с хорошими чаевыми. До сих пор не могу привыкнуть к дешевизне здешних такси.

Росита не спала. Я вошел в квартиру очень тихо, чтобы не разбудить, и обнаружил ее сидящей на диване в гостиной.

– Папи! – обрадовалась она и вскочила, отложив какой-то яркий журнал, с которым сидела, поджав смуглые ноги.

– Гуарра, – улыбнулся я. – Не спишь?

– Нет, ждала тебя.

Она явно унюхала запах, но ставить под сомнение мой «деловой выход» не стала. Да и не станет никогда. Впрочем, дела бывают всякие, особенно в это время.

– Ты голодный?

– Нет, не голодный, и даже не трезвый. – Неожиданно для себя самого я приобнял ее за плечи, тронутый такой заботой. – Я со Стивом встречался, в «Эль-Паво реаль», там перекусил. Ну и выпил, разумеется.

Вот так, даже врать не стал. Разве что не упомянул того факта, что никакая встреча со Стивом на самом деле не планировалась, но это уже не так важно, верно?

– Ложишься?

– Думал еще поработать немного. – Я посмотрел на дверь в кабинет, вспомнив о том, что ждет разбора почта от Витька.

– Уже поздно, завтра все сделаешь. – Она потянула меня за руку в сторону спальни.

Неожиданно для себя я возражать не стал, как-то тронуло это все: то, что она не спала, то, что обрадовалась возвращению... черт его знает. Я сам не могу понять, как к ней отношусь, и это хуже всего, наверное. Хочется от нее и уйти как можно быстрее, и в то же время жалко ранить, потому что нет в ней ничего плохого и ничего злого, обычная колумбийская девчонка из простой семьи, добрая и искренняя, и не ее вина в том, что умудрилась связаться с придурком-старпером вроде меня. Ее легко обрадовать и еще легче обидеть, а обижать не хочется, слишком беззащитна она получается передо мной и слишком подло это делать.

– Ладно, ты права, – кивнул я. – Мне в душ надо, может, протрезвею немного.

– Я свежие полотенца повесила, – зачем-то проинформировала Росита.

Она их каждый день вешает. И каждый день забирает использованные, складывая в пакет для прачечной. Так что совсем не удивила.

Ванная, смесь черного и белого мрамора, просторная душевая с регулируемым набалдашником, хоть струйками брызгайся, хоть как из брендспойта струю делай. Такую и сделал, сперва холодную, такую, чтобы зубы застучали, затем горячую, и снова холодную. К моему удивлению, помогло, опьянение куда-то отступило, спряталось, вызвав смутную надежду на то, что утро даже не одарит похмельем. Растерся жестким большим полотенцем, потом долго чистил зубы, отплевываясь пенной пастой в раковину.

Постель была широкой и прохладной, простыни, похоже, Росита тоже поменяла. Она вообще хозяйственная девушка. Раньше ко мне сюда ходила убирать одна перуанка, и я удивился, когда Росита, вселившись, заявила, что отныне уборка и готовка на ней. И хоть тогда я считал это неким позерством и излишне самонадеянным заявлением, позже убедился в том, что был кругом неправ. И на кухне, и с пылесосом Росита чувствовала себя как рыба в воде. Я даже легко мог ее представить делающей то же самое еще и с голосящим младенцем на руках – было в ней что-то такое, что заставляло немного с иронией относиться к ее стриптизным талантам и легко представлять ее в роли, например, жены и матери семейства. С кем-нибудь помоложе в мужьях, не со мной.

Едва улегся, чуть взбив подушку, в комнату вошла, выключив свет, Росита. Молча забралась под одеяло, прижалась всем голым телом. Почему-то ее кожа показалась очень горячей, а еще она была на удивление нежной. А потом она тихо прошептала:

– Может быть, и мне немножко внимания?

Глава 13

Она проснулась одновременно со мной.

– Ты чего? – удивился я. – Рано еще, спи. Мне просто работать надо.

– Завтрак тебе сделаю.

– Не надо, – зевнул я, потягиваясь. – Я же йогуртом завтракаю, что там делать? Только холодильник открыть и ложку достать.

Росита, потянувшись, придвинулась ко мне, явно желая развить ночной успех, но я уже встал и, накинув халат, направился в ванную. Уворачиваюсь, как боксер от противника. А с чего уворачиваюсь-то на самом-то деле? Черт его знает, просто где-то глубоко в подсознании поселилась мысль о том, что каждый такой раз словно лишает меня возможности уйти. Я вот пользуюсь Роситиными молодыми прелестями и тем самым обязываюсь все больше и больше. Причем руку отдам на отсечение – сама Росита ничего такого не думает, я же чувствую, что она тянется ко мне вполне искренне. Неважно, от любви или от чего другого, но старается сделать мою жизнь приятной. А я от этого бегаю.

Маразм, маразм. Тупик, я уже сказал.

Похмелья как такового и вправду не было, но глаза в зеркале были красноватыми. И волосы тоже какие-то такие... черт его знает, как правильно сказать, но они даже на ощупь другими становятся, если с вечера злоупотреблял, и причесаться куда труднее. Раньше я носил прическу почти под ноль, и причесывать было нечего, но потом сменил стиль на более приличный, так что столкнулся вот... с такой утренней проблемой от нездорового образа жизни.

Долго-долго полоскал рот «листерином», чтобы отбить всякое «послевкусие» вчерашнего, потом тщательно побрился. Контрастный душ как-то совсем восстановил в силах, так что за свой стол я сел уже в достаточно рабочем состоянии. А вообще надо завязывать, возраст уже не тот, но я как-то наоборот, чем дальше, тем больше «развязываю». Не живет мне в Панаме, если честно, как-то все не свое, слишком много мест, которые не хочется видеть, слишком душно, слишком... ну не мое, и все тут, свалить хочу отсюда. Куда? Да вот Акоста интересные перспективы предлагает, вообще-то, хоть и не уверен я, что получится их отработать.

А может, и черт с ним, с Акостой? Деньги у меня какие-то есть, хорошего адвоката потяну... по крайней мере, о тюрьме речь не идет, это всего лишь деньги, а они дело наживное... С другой стороны, наживал я их долго и тяжело, поэтому просто так отдавать, пусть и за свой косяк, хоть и ненамеренный, – нет, не хочется. Лучше все же попробовать на Акосту поработать.

Пока размышлял, загрузился компьютер. Так, сразу почта, что там Витёк прислал?

Витёк прислал много, какие-то видеофайлы, кучу ссылок и прочего, хорошо, что я его в свое время научил без краткой сопроводилки ничего никому и никогда не отправлять. И он это правило блюдет.

Когда я его письмо дочитал, то заметил, что даже дышать перестал, в настолько глубокий шок оно меня провалило. Я даже перечитал его несколько раз потом, чтобы убедиться, что у меня не похмельные глюки, а все так и есть. А затем осторожно начал открывать ссылки в том порядке, в котором они были в письме.

История началась два года назад, когда обнаружили исчезновение семилетнего мальчика, жившего неподалеку от Гонсалесов. Семья мальчика и семья Гонсалесов друг друга не знали, и ничего их не связывало, так что поначалу никакой связи не прослеживалось. Затем пропал еще мальчик, пяти лет, тоже из тех мест. Искали, понятное дело, все: полиция, добровольцы, просто местные жители. Искали с собаками, искали с вертолетов, искали рейнджеры национального парка Эверглейдс, что был совсем рядом, искали проводники, аутфиттеры и прочий опытный люд. И нашли. Нашли второго пропавшего, пятилетнего. Его тело было сброшено в

один из маленьких рукотворных прудов, каких очень много по всем юго-западным пригородам Майами, и затем оно всплыло. Тот, кто сбросил его, небрежно привязал груз.

Исчезновение обернулось убийством ребенка, причем убийством садистским, совершенным с особой жестокостью, соответственно, на поиски убийцы были брошены все силы, самые лучшие. И раскрыли преступление очень быстро. Опросили свидетелей, живших неподалеку от пруда и возле дома мальчика, а исчез он прямо с лужайки перед домом, проверили записи с камер, которых в дорогих районах становится все больше и больше, и уже на исходе второго дня расследования полиция постучала в дверь одного из хороших домов в районе Кендэйл Лэйкс. На следующий день нашли второе тело, уже по показаниям убийцы.

Изначально, до суда, личность арестованного была скрыта, как объяснила полиция, из-за того, что убийца был несовершеннолетним. Позже, когда суд уже состоялся, оказалось, что убийцей была тринадцатилетняя девочка, учившаяся в «Галливер-скул», некая Бет Лазарро, толстая, неуклюжая и находившаяся под наблюдением психиатров.

Тут Витёк приложил ссылку на мнение одного известного психиатра из Тампы, который по поводу этих убийств сказал, что существующие правила американской психиатрии не позволяют объявить душевнобольным даже того, кто таким является без всяких сомнений, и, по его мнению, Бет Лазарро давно и безнадежно больна целым набором психических заболеваний.

Впрочем, из-за того, что ее считали просто «с расстройствами», а не душевнобольной, провалилась линия защиты на ее оправдание по психическому состоянию. Она была осуждена как взрослая, и, следовательно, ее имя было открыто для публики после вынесения приговора.

После этого журналисты наперегонки бросились копаться в ее биографии. Кто-то из полиции, судя по всему, или из офиса окружного поверенного слил информацию в прессу, и вскоре стало всплывать интересное: Бет, похоже, действовала не одна. Многие свидетели упоминали двух девочек, были и другие следы, но непосредственно с убийством получалось связать только Лазарро. Сама же Лазарро на следствии вообще ничего не говорила после того, как выдала место, где было укрыто тело второго мальчика. Не называла ни мотивов убийства, ни сообщников, даже не описывала самого преступления. Но именно у нее нашли маленький острый нож Виск с ручкой из черного дерева, который она украла у отца, и на ноже были следы крови обоих убитых вместе с отпечатками ее пальцев. Следы крови мальчиков нашли на ее одежде и даже в волосах. Она молча просидела весь процесс, туповато улыбаясь, как описывали свидетели, и так же тихо уехала в тюрьму штата «Лоуэлл Эннекс», где и исчезла на многие годы: с приговором ей не поскупились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.